

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

ВСЯКИЙ ЛИ АВТОР АУТИЧЕН?

Вот, записанный таким образом вопрос (возникший, кстати, у автора данной заметки в момент прочтения одной из статей "толстого" журнала по поводу современного состояния поэзии) вдруг обернулся этаким перевертышем. И стал звучать вот как: "аутичен ли всякий автор?" Небольшое смещение смысла повернуло ход мыслей к тому, что вопрос о неписываемости иных авторов в современный контекст, невозможности актуализоваться и подняться до профессионального уровня заместился вопросом о качестве литературного авторства как такового. А, проще говоря, о том, что есть литературное творчество. Не претендуя на всеохватность столь объемной темы, хотелось бы поразмышлять над этим, ибо причастность, даже весьма скромная, к такому роду деятельности, неизбежно дает повод к подобным размышлениям. Но вернемся к аутичности или, если следовать медицинской терминологии, аутизму¹.

Оставив в стороне клиническую картину заболевания, вспомним, что под аутичностью в литературоведческой литературе понимается замкнутость автора на себе, своих личных переживаниях, нежелание (подчас и невозможность) сопоставления своего личного творческого высказывания с современным литературным контекстом, что часто провоцируется как определенной (аутичной) средой, возникновение и бытования которой бывает обусловлено географическими, социальными и иными внелитературными причинами, так и индивидуальной судьбой отдельного автора и, как следствие, появление у данного автора (или группы авторов) дилетантских текстов.

Замечу, что вопрос о наличии или отсутствии таланта здесь не рассматривается, как относящийся к сфере случайного и ничем, кроме генетики, не обусловленного. Кроме того, стоит отметить, что в данной заметке речь пойдет

лишь о поэзии, и мы не будем касаться прозы и драматургии. Стоит ли изобретать велосипед? Ответ на этот вопрос вполне однозначен. Однако если вдуматься, то даже изобретение (заново) пресловутого велосипеда никак невозможно без определенных технических знаний и навыков. Нельзя построить дом, не ведая о том, что есть кирпич и цемент, нельзя посадить дерево, не зная, как пользоваться лопатой, лейкой и т. д. Соответственно, нельзя написать стихотворение, не имея представления о ритмизованной, образной речи. Но, предположим, мы знаем о существовании такой речи. Напишем ли мы полноценное стихотворение или же займемся все-таки "изобретением велосипеда"? Очевидно, что не достаточно уметь "говорить в рифму". Также очевидно, что не достаточно рассказывать в рифму о своих личных переживаниях. Тогда о чем же, ведь это – стихи, – возможно, удивится читатель. Сейчас назрела необходимость вспомнить о том, *Что есть лирика?*... Все особенности лирики как рода художественной литературы вытекают из того, что у нее есть свой, особый предмет идейного высказывания и художественного воспроизведения и что таким предметом в ней является... характерность их (людей - Е.Ч.) социального сознания.² Употребление в приведенной цитате таких непопулярных сейчас слов, как "идейный" и "социальный" несколько не отменяют заложенного в ней смысла, поскольку отражение любого сознания в лирическом тексте не может быть абсолютно нейтральным, не привязанным к какому-либо типу сознания, равно как и сам поэт, автор является носителем определенных черт определенной общественной (социальной) группы.

Уникальность этого рода словесного искусства состоит в том, что поэт может говорить в лирическом стихотворении "я" или "мы", или просто пересказывать (перечислять)

предметы, события, пейзаж, людей и впечатления от них, но во всех случаях это будет акт осознания (познающего сознания), происходящий здесь и сейчас. Лирика – это самый непосредственный из родов литературы. И, возможно, самый притягательный для непрофессионала: ведь достаточно, вроде бы, просто "рассказать о себе" (благо, далеко ходить не надо – автор, вот он, любимый, рядом!), излить душу, вот и стихотворение! Обратимся снова к теории. С одной стороны, поэт сам испытывает свои переживания... А с другой стороны... сам осознает (их – Е.Ч.)... сам может так или иначе познавательно их осмысливать, а отсюда и эмоционально оценивать.³

Значит, содержание произведений медитативной лирики не является прямым, адекватным выражением переживаний поэта, эмпирически протекающих в его сознании. Если бы это было так, то медитативная лирика представляла бы собой психологическую фактографию... Тогда она имела бы значение только для самого поэта и его ближайшего окружения.⁴ Очевидно, что непрофессиональные авторы интуитивно осознают необходимость и потребность неких обобщений, но в силу того, что их языковые возможности ограничены (по разным причинам: недостаточной осведомленности в области литературы, отсутствия должного психологического, житейского, словесного опыта и др.), они прибегают к уже использованному, клишированному образцам, взятым либо из литературной классики, либо из авангарда начала XX века, причем, образцам, уже переработанным массовым сознанием. Вот несколько примеров, взятых наугад из литературных периодических изданий:

Хочу я сознавать, что не
напрасно
Я посетила этот грешный мир.
Не зря страдала и любила
страстно,
Не зря старалась из последних
сил...

"Я скажу это..."

Гладка, недвижна в озере вода,
Поверхность водная блистает.
Деревья пышные по берегам
стоят...
Вода, зеркальной гладью
отражая...

и т. д.

Я хочу тебя сотворить,
Из несказанных добрых слов.
Я хочу тебя пригласить
В лабиринт моих новых снов.

Мне немыслимо жаль этот
прожитый день,
Не вернуть его вновь никогда.
За окном темной ветки мохнатая
тень,
Чуть дрожит в мелких лужах вода.

Я горю, я сгораю в ночи,
Разошлись с тобою дорожки.
Помню губы и руки твои,
Сердце бедное бьется в тревоге.

На бархатном небе вкрапления
звезд,
Слова твои зря принимала всерьез.
Мне холодно, я забываюсь от слез.
Зачем так далеко меня ты увез?

Я возьму белизну облаков,
Я вдохну синеву небес,
Окуную в глубину веков
И ворвусь в этот мир чудес.

Я люблю златокудрую осень:
Буйство красок и море даров,
Рядом с зеленью елок и сосен -
Яркий пламень калины кустов.

Дай бог, мне разочароваться,
Найти изъян в ее душе.
Чтоб можно было бы
растаться,
И не мечтать о ней ужже.

В сиянье призрачного света,
Когда смолкают соловьи,
Нежданной радостью согрета,
Звучит мелодия любви.

Вся наша жизнь -
несовершенство.
Труды, мученья и блаженство -
Все перемешано без правил.
Зачем Всевышний нас оставил

И так далее, и так далее... Цитировать подобные стихотворения можно долго. Я намеренно не проставила фамилии авторов. Стихотворения опубликованы, и авторство при желании можно установить. Но по этим отрывкам видно: они будто бы написаны каким-то одним человеком, точнее, неким усредненным, безликим авто-

ром. Они лишены индивидуальности, того, что может быть интересно нам, как читателям, и что составляет главную (наряду с непосредственным выражением внутреннего мира человека) особенность лирики, как рода литературы.

Итак, становится более или менее ясно, что для того, чтобы написать стихотворение, не достаточно, предположим, почувствовать красоту осени или боль от потери любимого (уходящих лет, иных житейских обстоятельств). Необходимо осознать, в чем уникальность этого чувства лично для тебя (автора) и найти для него индивидуальное, присущее только данному автору, образное и словесное выражение.

И совершенно особый разговор о том, *Что же следует чувствовать?*

Странной такая постановка вопроса может показаться только на первый взгляд.

Снова немного теории: Потенциально он (*здесь - лир. субъект - Е.Ч.*) воплощает в себе всю целостность внутреннего мира человеческой личности, откликающейся на всю многосложность бытия и субъективно отражающую ее в себе.⁵

В одной интернетовской статье, посвященной критическому разбору современной поэзии на материале провинциального альманаха, автор вывел шесть возможных типов событий (в его понимании фабулы) в лирическом стихотворении:

- аксиологическое событие значимое изменение по шкале "Худое Нейтральное Доброе" (= "Плохое Нормальное Хорошее" = "Ужасное Безразличное Прекрасное")

- алетическое событие значимое изменение по шкале "Невозможность Возможность Необходимость"

- дэонтическое событие значимое изменение по шкале "Запрещённое Разрешённое Должное"

- плутономическое событие значимое изменение по шкале "Недоступное Доступное Обладанное"

- спациональное событие значимое изменение по шкале "Там Здесь Везде"

- темпоральное событие значимое изменение по шкале "Прошлое Настоящее Будущее"

- эпистемическое событие значимое изменение по шкале "Неведение Полагание Знание"⁶

При том, что автор местами путает фабулу с идеей литературного произведения, а подобную градацию осуществляет на примере явно слабых стихов, что не дает возможности проверить, насколько она универсальна, зерно истины здесь все же присутствует. Надо полагать, острие его филиппики об-

рачено все-таки не на фабулу, она, действительно, может быть повторяющейся, а на содержание стихов, несущее, как известно, в себе тему, проблему и пафос. Вот такие три кита. И если тема стихотворения до оскомины проста, проблема (а, проще говоря - решение темы во взятых конкретных обстоятельствах) навязла в зубах избитостью, а пафос (т.е. идейная (не путать с идеологической) и эмоциональная окрашенность) ходульно нелеп и кричит о петушиной важности лирического героя, то стихотворение окажется малоинтересным, к какому типу не причисляй его событийный ряд.

Клишированность сознания может проявляться не только на уровне слов и затертых выражений типа "хрупкая мечта", "мимолетное счастье", "неумолимое время", "плоток любви", "туман сомнений", "водоворот измен", "сердце плачет", "бескрайние дали", "ночная тишь", "праведная битва", "сладкие терзания", "дивная красота" и т.д. и т.д. Клишированность возникает и на ситуационном уровне и на уровне осознания себя в качестве лирического героя (героини), когда вместо индивидуального личного разговора о себе, живущем здесь и сейчас, переживающем абсолютно свое, ни с чем не сравнимое переживание, предлагается некий набор общих, как правило, красивых фраз, которые укоренились в бытовом сознании, как обозначающие некие абстрактные чувства: абстрактную любовь, абстрактное разочарование, абстрактное восхищение природой и абстрактную грусть по поводу абстрактного уходящего времени. Набор таких устойчивых и устоявшихся в сознании схем-переживаний достаточно невелик. Но для чего воспроизводить их снова и снова?

В современной критике, бывает, мелькнет то тут, то там фраза о поиске "новых смыслов", которыми должна будто бы заниматься поэзия. Определиться с новыми смыслами не просто. Поскольку абсолютно "новым" может быть лишь тот смысл, который нам передало бы существо, не присутствующее в нашем времени и наших обстоятельствах, иначе говоря, какой-нибудь инопланетный разум, то, значит, не новые смыслы, а углубление и обогащение уже имеющихся. Углубление за счет индивидуальности, переживающей эти "вечные" смыслы заново.

И в заключении хочу привести стихотворение нашего современника, замечательного поэта Юрия Кублановского о природе стихотворства, как он ее понимает. Стихотворение, несмотря на его значительный

объем, не могу не привести полностью:

*Ну не какой-нибудь залетный
небожитель
непотопляемый, а без обиняков
я слова вольного дружба,
верней, гонитель
его в столбце стихов.*

*Вдруг ветерок крепчал, едва все
удавалось
в четверостишии, блаженный,
беговой -
так слово вольное, таясь,
перекликалось
с другим в строке другой.*

*Не потому, что там вдвоем им
стало тесно
от тавтологии, а чтобы
в аккурат
их перечла вдова, запомнила
невеста
и одобрял собрат.*

*Чтоб с белого холма мерещилась
излука
с незаживляемой промоиной
реки.
Ведь слово вольное - надежная
порука.*

И дали далеки.

*Так живность лепится к
жилицу человека,
считай, ковчежному, поближе в
холода.
И с целью тою же на паперти
калека
сутулится всегда.*

*Когда смеркается - смеркается
не сразу.
Пока окрестности становятся
тусклей,
как бы холодных горсть
сжимаешь до откату
рассыпчатых углей.*

*Нет, весь я не умру - останется,
однако,
мерцать и плавиться в глазах в
мороз сухой
последний огонек последнего
барака
на станции глухой.*

Ну, а как же наш вопрос о том, аутичен ли всякий автор? Полагаю, что да. Чтобы написать стихотворение, надо, как минимум, погрузиться в себя. Чтобы написать хорошее стихотворение, надо, хотя бы на время, забыть об общепринятых устоях и нормах, правда, только лишь в литературе. Конечно, в столь краткой заметке не может быть полного охвата такой серьезной темы, как литературное творчество. Тема лишь пунктирно намечена, проблемы лишь слегка обрисованы. Но ведь назвать хорошее хорошим, а дурное дурным, — тоже дело.

1. Аутизм (от греч. *αὐτός* - сам) - погружение в себя, психологический и медицинский термин, используемый для обозначения как психического расстройства разных степеней тяжести, так и несклонности (или даже неспособности) индивидуумов иметь контакты с окружающими, согласно общепринятым устоям и нормам. Википедия.

2. Г.Н. Поспелов, "Лирика", издательство Московского университета, 1976 г., с. 62.

3. там же, с. 68.

4. там же, с. 68.

5. там же, с. 71.

6. В. Директорский, "Фабула лирического стихотворения", Издательская система: Литсовет. <http://litsovet.ru>

Елена Черняева

СИТУАЦИЯ ИКС

Антон К. давно не писал стихов. Так давно, что начал стыдиться, когда его представляли незнакомым людям где-нибудь при встрече как поэта. Но дело было не в том, что его посетил творческий кризис, стихи теснились в его голове, словно толпа в базарный день, они появлялись каждый божий день, стоило лишь ему проснуться и, пробежав босиком по холодному полу, выглянуть из-за занавески на улицу. Но Антон не давал им жизни и загонял обратно в голову, где они медленно, с достоинством и умирали.

А дело было в том, что его посетила мысль, навеянная, скорее всего, несколькими статьями нескромных критиков-демуургов, на которые он напоролся, как на гвоздь, не ко времени торчащий в полу. Ходить стало после этого больно. "Вот оно что!" — думал он, перебирая в памяти особенно запомнившиеся строчки из этих статей. "Вот оно что!" Он как-то раньше не думал, не задумывался над тем, что, может быть, когда пишет, то повторяет своих предшественников. Он писал, потому что это доставляло ему острую радость, а выложенные на бумагу стройные ряды строчек вызвали прилив чисто эстетического удовольствия. Еще он любил раскрывать свежеепечатанную книжку или журнал, приносясь к страницам, нетронутым, слегка слипшимся и сухо трещавшим под его пальцами, он ошупывал листочки, касался подушечками пальцев черных точек шрифта, как будто строчки были выпуклыми, и он мог бы их прочесть, как слепые читают свои специальные книги. Стройные черные ряды слов, поставленные по-середке страницы, разбитые на аккуратные доли, симметричные, порождали его воображение. На одну долю секунды, до того момента, когда он начинал по-настоящему читать, соединяя слова в предложения, а пред-

ложения в мыслительные конструкции, ему мерещилось сокровище, которое вот-вот откроется перед ним, как Сезам перед Алладином. Даже от своих, вдоль и поперек известных ему стихов, он ожидал чего-то подобного, чуда преображения или воплощения, чудо, однако, откладываясь на неопределенно дальнейшее время. А он продолжал писать и писать, множить черные столбцы на белой, восхитительно белой, с почти прозрачной голубиной, бумаге или на той, слегка желтоватой, похожей на оберточную, с потрясающей шероховатостью, с древесными крапинами, неровной, как древний папирус, толстой, непрозрачной, грубой, но такой аристократичной!

Нет, на такой бумаге... На такой бумаге могло появиться нечто! Вот только для появления этого нечто необходимо было одно дополнение, одно маленькое, нелепое, не идущее в расчет дополнение. Дополнение, в которое, наверное, никто из ныне пишущих по-настоящему и не верил. И называлось это дополнение не больше – не меньше, как талантом.

Но особенно задело Антона то, что критики в один голос твердили о необходимости сейчас, в какой-то особенной, нынешней ситуации, писать о чем-то совершенно новом. Антону не было ясно, о чем это новое следует писать, и он подозревал, что этого не знают и сами критики. Однако требование запало так глубоко, что Антон уже не мог, как ни старался, написать ни строчки без того, чтобы не вспомнить о нем. Любой зачин, ранее так легко дававшийся ему, теперь стал казаться нелепым, пресным или же вычурным, с необоснованными претензиями. Раньше он легко мог написать, предположим, "Мне снилось" или "Я видел (вижу)", или "Иду по дороге (улице, мосту) или, например, "Хочу понять". Он так и писал, а дальше уж складывалось довольно легко, как по накачанному. Сейчас ни одно слово его не удовлетворяло, но в целом, его не удовлетворяли даже не слова, а то, что получалось из них: какая-то мало-сдобная каша из вялых мыслей и полочувств, которые, вроде как, стеснялись быть настоящими чувствами.

"Что же делать, – думал он, в очередной раз перебрав в уме несостоявшиеся стихи. Чтобы написать что-то стоящее, надо было выбросить из головы все прежние зачины, все эффектные концовки, все возможные ситуации, которые подскажет запрограмми-

рованный на привычное мозг. Не стоило писать о том, что нравится кто-то или что-то, закат, море, женщина, не стоило вспоминать о том, что было вчера или в отдаленном прошлом. Но также не стоило писать и о том, что ненавидишь, не любишь, не хочешь. "Ну, кому все это нужно? Все и так всё знают и про закат, и про море, и про то, что хочется и чего не хочется".

Но и экзотика, которую ему удалось выдать из себя после мучительных поисков по закоулкам памяти, показалась ему такой надуманной, что он тут же порвал листки со стихами. Он сдерживал свой творческий порыв еще несколько дней, потом, схватившись за голову, сел как-то перед стопкой приготовленной заранее бумаги (она всегда ждала Антона на его рабочем столе – Антон не хотел пользоваться компьютером, чтобы не нарушать священнодействия) и решительно принялся записывать возможные варианты начал, концовок и ситуаций, в которых мог оказаться его лирический герой.

Через несколько дней, осунувшийся, с покрасневшими веками, Антон, наконец, одолел, как ему казалось, весь набор возможного. Во всяком случае, мозг его отказывался выдавать новые ситуации. И он понял, что победил. Теперь, преодолев инерцию, он должен был написать шедевр.

Он не подходил к столу неделю, выдерживал паузу, однажды, где-то в середине следующей, он почувствовал неодолимую тоску по черненьким строчкам, которые будто бы сами выскакивали из-под его руки. Тоска высасывала его, не давала жить, подкатывала к горлу сладким комом, валила его с ног, не давала продыху. И Антон, наконец, поддался. Он сел за стол, придвинул лист бумаги... Почти не глядя, он записывал, потом, все так же, не глядя, он сложил лист вчетверо и засунул подальше в какую-то книжку. Еще через неделю Антон, наконец, прочел свое творение:

Черный ставень хлопчет о северном ветре.

Птицы серым углом пробираются, небо счищают.

Дом велик для своей темноты, и она разрежается серым.

Ситуация ИКС (никакой Парамант не придумал бы лучше).

Ситуация ИКС - мокрый ёжик глядит на меня из угла...

ЭХО

III Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО РУНА»

С 20 по 29 июня этого года в местечке Григолетти прошел III международный русско-грузинский поэтический фестиваль, собравший 76 участников из 20 стран мира. Как никогда творчески насыщенная программа фестиваля включила в себя ежедневные выступления поэтов – «Стихи у моря», мастер-классы: «Грузинская поэзия в русских переводах: мастера и дебютанты» и «Поэтический кинематограф»; круглые столы: «Русский язык и русская литература как фактор сближения национальных культур» и по итогам фестиваля; литературные вечера: посвященный 70-летию журнала «Дружба народов», памяти грузинской поэтессы Анны Каландадзе, творческий вечер писателя-сатирика Виктора Шендеровича, презентация литературного журнала «Интерпоэзия», творческий вечер литературного объединения «МОЛОТ О.К.».

Для 12 поэтов, откомандированных «Молотком» на фестиваль, дни, проведенные «в провинции у моря» – аншлаговое выступление в Урекском Доме культуры, знакомство с современными русскими поэтами, возможность вживую послушать стихи живых классиков, участие в мастер-классах - незабываемый подарок, за который еще раз хочется поблагодарить Президента «Русского клуба» Николая Николаевича Свентицкого.

Творческий вечер «Молотка», как одно из заметных событий фестиваля, получил определенный резонанс в международной прессе, а, главное, вызвал интерес к русскоязычной литературной жизни Грузии. Вот, к примеру, один из откликов:

Особое впечатление осталось от встречи с молодыми поэтами Грузии. Лито «МОЛОТ О.К.» («Молодёжное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси – о'кей»), родившееся в 2005 г. при тбилисском журнале «АБГ» (в названии – первые буквы грузинского алфавита: ани, бани, гани...), уже давно обрело стержень. В стихах и песнях молодых авторов, звучащих на русском языке, живут родной Тбилиси, Кура, горы, платаны... Руководитель литературного объединения Михаил Ляшенко и заведующая отделом переводов Анна Шахназарова – энтузиасты, бескорыстно дарящие своё внимание молодым авторам. «Молотковцы» не только поэты со свежим, незахвачанным словом, но и барды, и рок-музыканты. В лито выходит коллективный сборник «МОЛОТ О.К.», книги в сериях «Библиотека «АБГ» и «Библиотека «МОЛОТ О.К.», сформировалась рок-группа «Pilgrims», активна переводческая деятельность. Журнал «АБГ» уделяет внимание поэзии не только Грузии – увидели свет специальные выпуски, посвящённые Армении, Азербайджану и другим странам... Ребята одарили участников фестиваля юмором искромётных плакатов: «Стикс по телефону», «Рукописи не горят. Мы поможем!», «Глазаяц», «Гдерево?», «Я липну – следовательно, существую. Скотч», «Шизифов труд», «Приём гуманитары», «Капля точит печень» ... и др.

Елена Зейферт.

У самого синего моря // Евразийская муза (Приложение к «Литературной газете») №32 (6236) (2009-08-05)

Под рубрикой "Эхо" предполагается публиковать литературный материал, привезенный нами из Григолетти: беседы с поэтами, редакторами литературных журналов, критиками, переводчиками, стихи участников фестиваля, а, кроме того, эссе, очерки, заметки, мемуары, а то и поэтические опыты, - смотря какую форму примут воспоминания самих молотковцев о прошедшем фестивале.

ЗОЛОТОЕ РУНО. ТРАНЗИТ.

(Опыт мемуарной лирики в прозе)

Не знаю, как проходят другие поэтические фестивали... Но этот, носящий девиз «В поисках Золотого Руна», по сути своей подходил под категорию скорее конференции, чем праздничного действия.

Этому способствовало не столько обилие различных мероприятий, сколько серьезное отношение участников фестиваля к происходящему. В то же время все пять чувств свидетельствовали о близости песчаного пляжа, и, естественно, исходящие из морских глубин гипнотические установившие на релаксацию вносили дополнительный, отвлекающий момент. Возникающая при этом разность в тональностях, скажем так, создавала некоторое напряжение.

Возможно, это напряжение необходимо для того, чтобы фестиваль состоялся. Возможно даже, что мокрый поэт равноценен сухому.

Высадка десантного отряда «Молотка» тоже внесла вариации в утвержденную партию фестиваля.

Судить сложно, тем более, по двум дням, вырванным из более продолжительного контекста фестиваля. Однако можно просто рассказать о том, что было. Попытаюсь сделать это со своей, абсолютно армянсусанной точки зрения.

ПОЕХАЛИ!

В поезде было весело. Понажимав на разные кнопки и удивившись, что свет включается и выключается, а телевизор – не выключается, молотки нашли надпись «Аварийный выход. При аварии разбить молотком» и обрадовались – значит, тут тоже нас знают и любят.

Затем, разделившись на спящих и неспящих, вторые привяли усиленно репетировать, подвергая неслышанному риску единственную – концертную! – гитару.

ВЫСАДКА!

Под утро, когда мы уже скоро должны были подъехать к месту высадки – Уреки, – спящие проснулись и разбудили неспящих, которые все-таки в процессе репетиции заснули. Молотки взяли свои рюкзаки, пакеты и сгрудились у выхода, потому что были предупреждены – стоянка всего пять минут. В багаже была еще тяжеленная сумка со свежим выпуском «Листка

АБТ», приуроченным к фестивалю, а также совсем не тяжелые, но довольно объемные и требующие аккуратного обращения пакеты с экспонатами выставки (об этом еще расскажу, экспозиция пережилась множеством приключений, а некоторые ее части даже не пережили этого).

Ну, так вот, поезд остановился, проводник пробрался к двери, и, отперев ее, спрыгнул вниз... Я сказала «вниз»? На самом деле это было «далеко вниз».

Не успевая осознать происходящее, молотки вынуждены были по очереди спрыгивать со ступеньки, находящейся на уровне солнечного сплетения проводника, и приземляться на насыпь. Увы, так бывает, когда поезд длиннее перрона, а мы ехали как раз в хвосте. Правда, проводник умелым движением рук слегка замедлял скорость приземления, подхватывая нас на лету, однако сон стяхнуло окончательно, несмотря на пять утра.

Спрыгнув и поймав выброшенный вслед за нами багаж, мы направились к автобусу, которому предстояло стать частью нашей жизни на ближайшие 48 часов. Нас отвезли в Григолету и вселили в гостиницу под интригующим названием «Сихварулис будэ», которое в виде подстрочника выглядит так – «Любовное гнездышко».

МОРЕ!

Где-то в глубине души, под слоями хорошего воспитания и южной тактичности, по черному ревнуя к поэтам, уже успевшим наплаваться за субботу и воскресенье, самые отчаянные молотки бросились немедленно переодеться в купальные костюмы. Свободное время до завтрака было честно использовано для спортивной ходьбы по водам. Интересная особенность песчаного дна – под ровной поверхностью скрывается пейзаж с барханами, поэтому море всем было по колено, и лишь в отдельных местах – по пояс. В очередной раз «сев на мель», храбрые молотки вдруг заметили местного жителя, со скучающим видом прогуливающегося по мелководью где-то в пятистах метрах от берега, и поняли, что дальних заплывов им здесь не совершить.

АВТОБУС!

Без автобуса пришлось бы тяжело. Молотков поселили в коттедже, удаленном, по

официальным сведениям, на 800 метров от гостиницы «Адаманти», где жили все остальные участники фестиваля и где, собственно, происходили основные мероприятия. Пешком это расстояние мы одолели за 20 минут, но в день приходилось передвигаться туда и обратно раз, думается, десять, если не больше. Поэтому с нашим «паромщиком», доставляющим нас с «острова» на «большую землю», договаривались заранее. «Паромщик» оказался прекрасной души человеком, добрейшим и терпеливейшим. Если молотки опаздывали на очередной «рейс», он спокойно ждал, не подавая никаких признаков раздражения, а перед отъездом даже позаботился о том, чтобы нам легче было залезть на подножку поезда – захватил с собой на станцию складную табуретку. Правда, она не понадобилась (обратно нам уже попался вагон, совпавший с перроном), но все равно приятно. Вместе с нами в автобусе путешествовали уже упомянутые выше экспонаты выставки, причем большую часть поездок – впустую, но мы никак не могли выяснить, когда нас повезут на репетицию в урекский Дом культуры, а выставку надо было успеть подготовить заранее, поэтому таскали с собой картонки и веревки – на всякий случай.

СТИХИ У МОРЯ!

На самом деле, не совсем у моря. Сосновая роща, отделяющая гостиницу «Адаманти» от моря, завершалась культурной полосой – «кафе-бар-бассейн-концертная площадка». Поэтому чтение стихов время от времени прерывалось громким всплеском – очередной изнывающий от жары с разбегу нырял в бассейн, поднимая фонтан брызг, и принимался плавать в лазурном водоеме. К этим спецэффектам добавлялись и другие звуки живой природы, – шум ветра в хвойных насаждениях, оглушительная песня черного дрозда и чириканье других, менее голосистых птичек. Слово, летящее с открытой сцены, не проигрывало от такого аккомпанемента, а напротив, мистическим образом воплощалось в нечто почти осязаемое, видимое и весомое. Молоткам посчастливилось увидеть и услышать Аннелизу Аллеву, Елену Зейферт, Бориса Херсонского, Максима Амелина, Римму Маркову,

Юрия Юрченко, Наталью Соколовскую и других... Участники фестиваля читали свои стихи каждый день, а кроме этого – были еще и другие мероприятия...

РЕПЕТИ...

И вот молотков повезли репетировать и зал смотреть, как оно все там... Разместились в автобусе, поехали – с гитарой и с картонками-экспонатами, а как же без них! Надо ведь посмотреть, куда крепить веревки и канат с холстом, изображающим парус! А это, извините, часть инсталляции! А картонки-экспонаты крепятся на парус вышеназванный! Так что концерт – концертом, а выставка тоже требует сил и внимания.

Дом культуры в Уреки был нам уже, как родной. Это было первое здание, которое мы увидели, сойдя... извините, спрыгнув с поезда.

Выяснив, где можно развешивать наши «веселые картонки», мы решили для начала порепетировать, а потом уже заняться инсталляцией.

Адаптироваться к сцене ДК и к микрофонам помогли местные звукорежиссер и осветитель. Начался прогон – но полностью насладиться звучанием наших произведений в пустом зале не удалось, потому что оказалось, что нам срочно нужно возвращаться в Григолету и присутствовать на семинаре «Поэтическое кино», который вел Павел Финн. Так что с прогона нас прогнали, да и с картонками-веревками тоже не удалось разобраться до конца. Похватав вещички, мы покинули ДК и были увезены обратно к тусовочному эпицентру. Подобие репетиции провели чуть позже, в фойе нашего «Любовного гнездышка», в ожидании автобуса, который должен был нас доставить непосредственно на концерт.

ДОМ КУЛЬТУРЫ.

КОНЦЕРТ.

Вы будете удивлены, но мы даже успели развесить картонки. Правда, не обошлось без экстрима: во время закрепления каната, несущего на себя тяжесть холста-паруса и другого такелажа, одна из стальных конструкций, напоминающих детали Эйфелевой башни, (на которые все и привязывалось-намазывалось) внезапно накренилась и рухнула. Не пострадали ни экспонаты, ни мраморный пол в фойе ДК, ни сама конструкция. Пострадала

нога Димы Лоскутова, за что меня, как автора большинства экспонатов, послуживших причиной происшедшего, до сих пор мучает совесть. Но что тут поделаешь – долго терпело искусство и наконец затребоvalo жертв...

Но вот картонки развешены по всей длине «паруса»... Первые зрители уже подходят и вникают, некоторые даже конспектируют и читают вслух... Но нам некогда – мы уже стоим за кулисами, подглядывая в дырочку – как там зрительный зал? Публики, оказывается, много, даже в проходах сидят, прямо на лестницах... Смотрят. «Вот, – думают они, наверное, – те самые молотки, которые сегодня утром появились.. А что это они нам сейчас покажут, а?»

А мы вдруг вышли все на сцену, уселись. Оглянуться страшно – там наш баннер висит, который мы еще в Тбилиси сварили. Большой, во всю высоту сцены... Слишком много для нас. А впереди зал, но, слава богу, освещены мы на всю катушку, и публики не видно. Видно только микрофон... Михаил Ляшенко нас представил, и мы по одному стали к микрофону выходить и стихи читать, и песни петь... Песен, правда, спели всего четыре штуки, но, кажется, хватило... А в конце прочитали наши переводы грузинских поэтов.

Сразу после нашего концерта в зале погасили свет и пустили кино: Павел Финн представлял фильм по своему сценарию – «Подарок Сталину». Мы принялись было выставку снимать, но несколько зрителей, «прогуливающих» киносеанс, попросили пока оставить. Минут через десять, правда, оказалось, что нас уже увозят, и пришлось экспозицию свернуть...

Однако на следующий день нам предложили переинсталлировать нашу инсталляцию уже в тусовочный эпицентр, что мы и сделали.

КОСАЯ БИЗАНЬ

Строго говоря, именно косой бизанью представлялась нам наша инсталляция. И хотя во времена оригинальных, т. е. мифологических, а не фестивальных поисков Золотого руна косую бизань еще не придумали, но это нас не остановило.

Выставка вообще представляла собой плод коллективных усилий. Ада Пленнинг связала парус – из разной толщины канатов и длинного куска

холста. Марина Ламар, Дима Лоскутов, Дато Мезурнишвили и Дима Спорышев, Сусанна Армянян – это авторы стиховорений, ФразОчеК и СлОвечек, частично исполненных гуашью по картону, частично увеличенных и распечатанных на принтере по уже имеющимся в реальности образцам Слов-Арта малого размера.

Вняв просьбе организаторов, мы перенесли выставку в сосновую рошу, разместив ее недалеко от открытой площадки, где ежедневно читались стихи. «Веселые картонки» теперь висели в трех соснах, стволы которых мы живописно оплели снастями...

Ну, полюбовались мы – и отравились пить соки.

ВЕЧЕРОМ...

Ближе к вечеру начался мастер-класс по переводам, который вел редактор «Литературной Грузии» Заза Абзианидзе. Можно сказать, что это было самое оживленное мероприятие за те два дня, что выпали на долю молотков. Фестивальную программу вообще характеризовала насыщенность. Но здесь молотки могли наблюдать спонтанно возникшую дискуссию и вынести из нее много полезного и поучительного.

Общение с участниками фестиваля продолжилось и после мастер-класса, и вдруг, беседуя о высоком и любуясь закатом, молотки со вздохом сожаления осознали, что второй день их визита подходит к завершению, а значит, скоро возвращаться домой.

Хотели было они забрать «веселые картонки», уже почти невидимые в сумерках, – но организаторы попросили оставить: фестиваль-то продолжается! Еще целая неделя впереди!

«Пусть висят картонки!» – сообщая решили молотки и не стали лишать три сосны пестрых украшений... Ах, если бы они могли знать, что в последний день фестиваля стабильная хорошая погода разразится ливнем!..

Экспонаты, таким образом, были подвергнуты уничтожению (а это тоже акт творчества!) не совсем традиционным способом: вместо торжественного сожжения холстов и рукописей – растворение гуаши дождевой водой. Но это ничего, мы еще нарисуем.

Сусанна Армянян

ТУРБУЛЕНТНЫЙ РЕНЕССАНС... ШО?!.

С участником фестиваля Александром Кабановым беседует Михаил Ляшенко.

М.Л. – Удивим ли мы Вас, заявив, что интересуетесь Вы нас, прежде всего, как автор интересующих нас стихов?

А.К. – А я и есть, прежде всего, автор стихов.

М.Л. – Ну а общеизвестные Ваши менеджерские заслуги как организатора фестиваля «Киевские лавры», редактирование журнала «ШО», украинский слэм?

А.К. – Все это, скорее, хобби.

М.Л. – «Русский клуб» предложил нам задавать гостям фестиваля набор определенных вопросов. А что, если мы начнем не с них, а с вопроса как раз по одному из Ваших хобби?

А.К. – Давайте.

М.Л. – Тогда такой вопрос: в современных обстоятельствах, где налицо обилие профильных изданий, их доступность, достаточная регулярность, при средствах и формах общения, предоставляемых Интернетом, когда вечером написанный текст может быть утром доставлен конкретным адресатам и, потенциально, бесконечному числу потенциальных читателей, есть ли и какой смысл в мероприятиях, подобных этому или фестивалю «Киевские лавры»? Разве так уж необходимо текст, который можно прочитать глазами, услышать в голосовом исполнении его создателя?

А.К. – Во-первых, Интернет и прочие «средства доставки» – это всего лишь посредники, не обеспечивающие живого общения, а, во-вторых, фестивали позволяют достичь степени неофициальности, они позволяют поэтам открывать друг друга, обмениваться книжками, спорить о стихах вживую, на уровне эмоций, на уровне реальных живых слов, когда ты видишь не фотографию, не придуманный образ, а живого человека, слышишь его живой текст, так что фестиваль «Киевские лавры», как и фестиваль «В поисках золотого руна», даже будучи полускрытыми от читателя реальными, все-таки сблизжают, сблизжают поэтов, и, особенно, на фоне того, что происходило недавно, на фоне печальных моментов – военных и полувосстановленных – это очень важно.

М.Л. – Вот смотрите, какая мысль напрашивается: в традиционной доинтернетовской форме литературы собственно печатное слово было основным носителем и фактом литературного действия и события. А

вот, появилось дополнительное коммуникативное средство – и спасибо ему – но и этого нам вдруг стало не хватать, и получается, что нам хочется еще и взглянуть друг другу в глаза. Интерес к поэзии сегодня принято обозывать интеллектуальным гурманством – и получается, что съел рагу из гусиных перьев и требую папаша из соловьиных языков. Отсюда может быть соображение такого порядка – поскольку литература перестала иметь широкий выхлоп, как тот, который она имела в течение XX века, (насколько это миф или реальность – отдельный вопрос) и поскольку нас не досылаивает «большой» читатель, нам хочется слышать друг друга.

И такой вопрос: на «Киевских лаврах», как мы знаем, очень много читок, а аналитическая составляющая, например, семинарного характера, имеет ли место?

А.К. – На фестивалях, и, в том числе, на «Киевских лаврах», есть круглые столы и хорошая форма, аналогичная мастер-классу, когда пять-семь ведущих критиков, в нашем случае, русских, украинских, белорусских, которым молодые люди отдают заранее стихи, на фестивале собираются и все вместе ведут разбор по каждому автору. Практикуются и другие формы: турниры поэтов, круглые столы и т.д. Например, для нас сейчас довольно остро стоит вопрос, связанный с цензурой в поэзии, поскольку есть у нас Национальная экспертная комиссия по вопросам защиты общественной морали. Комиссия, правда, имеет свойство рекомендательной, но, как у нас в постсоветских странах водится – все рекомендательное становится неукоснительным – мы, мол, рекомендуем, но не запрещаем – однако прокуратура почему-то активно начинает заниматься ненормативной лексикой в стихах, допустим, или образом женщины в моральном контексте, который полагается этой комиссией нормативным... И вот на ближайших «Лаврах», которые были в мае, как раз в прессе, ориентированной на литературу, на поэзию, обсуждался этот вопрос, и ему был посвящен круглый стол, где выступил, в том числе, глава комиссии по защите общественной морали. Получилась бурная живая дискуссия вокруг этого дела.

М.Л. – Комиссия – это государственная институция?

А.К. – Комиссия существует на деньги налогоплательщиков,

это официальная структура, имеющая определенный штат, государственный бюджет...

М.Л. – У одного из наших авторов сложились достаточно тесные связи с украинской литературной средой, и из последней поездки в Украину он вернулся с известием, что украинская сторона, в лице Издательского дома Бурого, предложила командировать в Тбилиси пятерых авторов. Нам это показалось хорошей идеей.

А.К. – Украинские авторы имеются в виду?

М.Л. – Поэты из Украины, вероятно, русскоязычные, а, собственно, какая разница? Мы были бы рады всем.

А.К. – Издательский дом Дмитрия Бурого – это известная структура, которая публикует очень интересных поэтов – он издает и украинских классиков на украинском языке – целую антологию издали – и очень красиво, и качественно издает русских писателей, в том числе, Ивана Жданова – избранное, Леонида Вышеславского – избранное, очень хороший, качественный издательский пакет. Бурого довольно активно презентует свое издательство и в Москве. Я думаю, что было бы замечательно, если бы он нашел и командировал в Тбилиси русских авторов, это ему под силу, это реальный проект. Мы, конечно, сотрудничаем и дружим – на «Киевских лаврах» есть отдельные проекты, которые делает Издательский дом Дмитрия Бурого, есть свои проекты и у журнала «ШО».

Дима в память об отце – профессор-филологе – проводит регулярные международные конференции в Киеве, издает литературно-художественный журнал «Соты». Среди многочисленных акций издательства особое место занимает «Международный научно-художественный журнал на сцене "COLLEGIUM"», основанный в 1994 году его отцом Сергеем Борисовичем Бурого, являвшимся много лет постоянным автором и ведущим этого популярного среди интеллигенции культурного мероприятия, которое каждый месяц проходит в Киевском Доме Актера.

М.Л. – Такое почитание предков вполне в наших традициях и весьма похвально. А сам Дмитрий Бурого пишет?

А.К. – Пишет.

М.Л. – А можно ли этому, предполагаемому, приезду ваших коллег и, может быть, и Вашему, как-то поспособствовать? Идея показалась нам очень заманчивой. Ведь можно попытаться впоследствии подобные встречи сделать регулярными.

А.К. – Эти вопросы надо адре-

совать прямо Дмитрию Бурого. Тут дело в том, насколько именно издательство к этому готово, раз эта идея была высказана ими.

М.Л. – Из стандартных вопросов: как вы смотрите на современный литературный процесс?

А.К. – Я думаю, что сейчас расцвет поэзии. Есть у меня некая такая условная теория, что в начале любого века – берем век XX: украинскую ли поэзию, Серебряный ли век русской поэзии, – где можно перечислить 30–40 имен мирового ряда от Ходасевича до Белого, от Мандельштама до Ахматовой и так далее, то и сейчас начало века и, я думаю, что слухи о недеспособности и неинтересности поэзии сильно преувеличены. Мне кажется, что поэзия переживает расцвет, и если это не золотой век или бриллиантовый век поэзии, тем не менее, так же можно назвать ряд из 30 – 40 имен от Цветкова до Кенжева, от Кушнера до покойного сейчас Льва Лосева. То есть, порядок имен аналогичен, и стихи, уровень нынешних стихов следует учесть. Просто те имена, они более брендированы, скажем так. Мы знаем, что Блок – это классик, Ахматова – классик, а если брать уровень текстов, то поэзия за эти 100 лет пережила просто тотальное развитие, стихи стали сложнее – тембральность их, диапазон голосов, ритмика, рифма, а еще и верлибр, то есть, разные, разные стихи, их много, и качественных цветов цветет много. Но есть и неистребимая традиция: каждый раз – и в 18, и в 17 веках – сколько там русской литературе лег – говорить о русской поэзии: что вот, она умирает! – и при этом живой Пушкин, живой Гоголь, живой Достоевский... Мы всегда тотально умираем, умираем... Умираем, а влияем на европейские процессы и на американские, то бишь, и Достоевского, и Толстого до сих пор ставят и снимают по ним фильмы и в Америке, и во Франции, и Чехова, и Гоголя ставят и экранизируют, и кого угодно... Эта такая типичная для русской литературы, для славянских народов черта, говорить, что у нас плохо, а на самом деле...

М.Л. – Кажется, наши наблюдения в этой области совпадают, в общих чертах. Мы это называем "турбулентным ренессансом". Все так, но посмотрите, ведь все-таки статус литературы изменился и притом, и морально, и физически, – возьмем, чтоб не ходить далеко, пресловутый фактор количества читателей, что весьма иллюстративно выражается в тиражах.

А.К. – Ну, не знаю, как там было у Блока и Есенина с тиражами в 100 – 200 экземпляров, да, так сказать, на бумаге, и

когда Цветаева сама издавала книжки... Я как раз перед своим приездом в Грузию случайно купил книжку писем и записок Пушкина и нашел замечательную фразу о том, что государь одобрил «Пугачева», внес очень качественные коррективы и одолжил 20 тысяч рублей на издание книги... А позже советское государство – оно было существенным лоббистом и менеджером литературы... Ничего, на самом деле, плохого сегодня не происходит – вместо государства появился Интернет. Да, разрушена система сбыта, которая была централизованной – когда книга издавалась в Москве, и минимальный ее тираж был 10000 экземпляров, и через 2 дня она появлялась во Владивостоке. Если сейчас появилась бы компания, имеющая 300 магазинов или 500, (но это, все же, не 5 тысяч магазинов, которые были раньше у советского государства) и, если появится такой монстр, то, естественно, тиражи книжек будут в 10 раз и в 20 раз больше и, естественно, они будут покупаться. Потому что в Интернете всегда спрашивают – от Удмуртии до Татарстана, от Петербурга до Крыма? – где можно книгу купить, как купить? А такая схема, как Интернет-магазины – она еще не проработана, люди этому не очень доверяют, в отличие от Запада. Сервис у нас заставляет желать лучшего – когда ты заказываешь книгу, а она получается в 2 раза дороже, везут ее 10 дней – а там это вот так: ты заказал, и через 2 часа парень на велосипеде привез книжку, и она дешевле, чем в книжном магазине. Я думаю, что эта схема продажи книг через Интернет позволит, с нашими технологическими опозданиями, лет через 5, через 10, делать тиражи в 5–10 тысяч, в 20 тысяч.

М.Л. – Но вот какая мысль по ходу: пожалуй, аналогии прошлым, включая тиражи, придется признать весьма условными. Ведь надо учесть, что количество людей в России, скажем, на 1917г., умевших читать (вряд ли более 5% от общей массы населения), не говоря о категории пассивных участников (адресатов) литературного процесса – в процентах несравнимо мало по отношению к реальной поголовной грамотности советского периода и нынешнего времени. В первой половине 19-го века этот процент еще ниже. Кажется, это весьма интересный, но отдельный сюжет.

Возвращаясь в текущую реальность, пропустим второй стандартный вопрос о жизни русской диаспоры, поскольку про Украину в этом отношении хорошо известно, скажем, даже на телевизионном уровне. А спросим о вашем опыте обще-

ния с Грузией вообще, бывали ли у нас раньше?

А.К. – Нет. Это первый опыт общения. Были моральные связи с Кавказом. Я родился в Херсоне, а в Херсоне у нас была школа имени Косты Хетагурова, осетинского поэта, был в Северной Осетии, был в Абхазии, а в Грузии первый раз и с большим удовольствием. А на уровне культуры, естественно, да – от Бараташвили до Табидзе, или, например, о месте Пастернака в грузинской культурной памяти и много прочего – мы все об этом знаем и можем очень долго об этом говорить.

М.Л. – Вам бы непременно надо побывать в Тбилиси.

А.К. – Очень бы хотелось и, надеюсь, удастся.

М.Л. – И еще вопрос: где ваши книжки можно достать?

А.К. – Я думаю, что сегодня вечером я достану их из чемодана и подарю.

М.Л. – Замечательно! Мы положили на Вас глаз с публикации в антологии, как мы ее называем, «Освобожденный Димой Кузьминским Улисс»

А.К. – Да, но там юношеские стихи, периода учебы в университете...

М.Л. – Тем не менее, мы их видели... И Вы нам очень нравитесь.

Большое спасибо.

Александр Михайлович Кабанов родился 10 октября 1968 в г. Херсоне. В 1992 году окончил факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Живет и работает в Киеве. Автор восьми книг стихотворений: "Временная прописка" (1989), "Время летающих рыб" (1994), "Ласточка" (2002), "Айловьюга" (2003), "Крысолов" (2005), "Аблака под землей" (2007), "ВЕСЬ" (2008), "Бэтмен Сагайдачный" (2009).

Многочисленные журнальные публикации поэта появлялись в журналах "Арион", "Новый мир", "Знамя", "Континент", "Дружба народов", "Зарубежные записки", "Сетевая поэзия", "Крещатик", "Октябрь", "Смена", "Радуга", "Интерпоэзия", "Новый берег", "День и Ночь" и др. Лауреат Международной литературной премии им. Князя Юрия Долгорукого (2005), премии журнала "Новый мир" (2005) и премии "Планета Поэта" им. Л. Н. Вышеславского (2008).

Александр Кабанов - главный редактор журнала культурного сопротивления "ШО", один из fundаторов украинского слэма. Стихи Александра Кабанова переведены на украинский (пер. Сергей Жадан) и немецкий (пер. Эрика Шмидт) языки.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

* * *

А мы – темны, как будто перекаты
ночной воды по свиткам бересты,
и наш Господь растаскан на цикады,
на звезды, на овраги и кусты.

Затягиваясь будущим и прошлым,
покашливает время при ходьбе,
поставлен крест и первый камень
брошен, и с благодарностью летит к Тебе.

Сквозь вакуум в стеклянном
коридоре, нагнав раскосых всадников в
степи,
сквозь память детскую, сквозь
щелочку в заборе,
невыносимо терпкое "терпи".

Вот море в зубчиках,
прихваченных лазурью,
почтовой маркой клеится к судьбе,
я в пионерском лагере дежурю,
а этот камень все летит к Тебе.

Сквозь деканат (здесь
пауза-реклама),
сквозь девочку, одетую легко,
сквозь камуфляж потомственного
хама,
грядущего в сержанте Головки.

И облаков припудренные лица
в окладах осени взирают тяжело,
я в блог входил – на юзерпик
молиться,
мне красным воском губы
обожгло.

Остановить – протягиваю руку,
недосягаем и неумолим
бульжный камень, что летит по
кругу:
спешит вернуться в Иерусалим.

* * *

Украина империи моей,
приходит время выбирать царей,
и каждый новый царь – не лучше
и не хуже.
Подшевеет воск, подорожает драп,
оттает в телевизоре сатрап,
такой, как ты – внутри,
такой, как я – снаружи.

Когда он говорит: на свете
счастье есть,
он начинает это счастье - есть,
а дальше – многоточие хлопушек...
Ты за окном салют не выключай,
и память, словно краснодарский чай,
и тишина – варенье из лягушек.

По ком молчит рождественский
звонарь?
России был и будет нужен царь,
который эту лавочку прикроет.
И ожидает тех, кто не умрёт:
пивной сарай, маршрутный
звездолёт,
завод кирпичный имени
"Pink Floyd".

Подраненное яблоко-ранет.
Кто возразит, что счастья в мире нет
и остановит женщину на склоне?
Хотел бы написать на склоне лет,
но, это холм, но это – снег и свет,
и это Бог ворочается в лоне.

* * *

Проговоришь "часы" наоборот:
ысач в потемках шевелит усами,
ысач съедает с кровью бутерброд
и шлет e-mail Бин Ладену Усаме.

В ответ Бин Ладен шлет ему
Биг-Бен –
подточенную вирусом открытку.
И дольше века длится этот дзен,
и день-дилинь без права на
ошибку.

Пружинка – украинская вдова,
рождественская в яблоках кукушка,
ысач глядит на нас во все слова,
и даже в цифрах прячется
подслушка.

Так, проходя сквозь воздух ножевой,
нащупывая мостик через Лету,
мы встретимся под стрелкой
часовой,
стреляя у бессмертья сигарету.

* * *

Мир недосказан. И оставлен нам
в незавершенной прелести мученья,
как женщина – обыденным словом
уже не придающая значенье.
Достигнув совершенства в немоте,
уныло мореходствуя над рифмой,
я понимаю, что – бессилен стих мой,
замешанный на крови и воде –
Пред музыкой, одетой в кружева
осенних роц. Перед тобой, Россия,
любовь моя бессильна, и слова –
лишь способ выражения бессилья.
Я знаю: твой полночный свет
и все вокруг, в своем движенье
новом,
придумал первым тот, кто воплотил
и не открылся ни единым словом.

УХА

Луковица огня, больше не режь
меня,
больше не плачь меня и не
бросай в Казань.
Ложкою не мешай, ложью не
утешай,
память – мужского рода:
чешется, как лишай.
Окунем нареки, вот мои
плавники,
порванная губа, вспоротые
стихи.
Вот надо мной проходят пьяные
рыбаки.

Все на земле – мольба, дыр и,
возможно, щыл.
Господи, Ты зачем комменты
отключил?
Всех успокоит Сеть, соль и
лавровый лист,
будет вода кипеть, будет костер
искрист.

Будут сиять у ног – кости и
шелуха...
Как говорил Ван Гог: "Все на
земле – уха..."

* * *

Над Марсовым полем – звезды
керосиновый свет,
защитная охра, потертый
вишневый вельвет.
Идешь и не плачешь, не плачешь,
не плачешь, не пла...
...из холода, солода и привозного
тепла.

Еще Инженерного – дынный не
виден фасад,
и жизнь одинока, и это она –
наугад

меня выбирала, копясь в
кошачьем мешке,
без всяческих выгод, не зная об
этом стишке.

Когтистая музыка, книжное
перевранье,
попробуйте, твари, отклеить
меня от нее!

Попробуйте звукопись, летопись,
львиные рвы,
салат Эрмитажа, селедочный
отблеск Невы!

Нас может быть трое на Марсовом
поле: пастух
и мячик футбольный, в кустах
испускающий дух.
Забывтый, забытый – в чужие
ворота, и тот,
который звезду над воинственным
полем пасет.

Петром привезенный, с Кенжевым
накоротке,
пастух-африканец, сжимающий
пряник в руке.

На Марсовом поле – трофейный
горчит шоколад,
и смерть – одинока, и это она –
наугад,
ко мне прикоснулась, и больше
не тронула, нет.

А лишь погасила звезды
керосиновый свет.

* * *

Укоряя меня, милая корюшка,
убаюкивай рыбной игрой,
я шатаюсь, набитый до горюшка,
золотой стихотворной икрой.

Это стерео, это монахиня,
тишину подсекает сверчок,
золотой поплавок Исаакья,
Сатаны саблезубый крючок.

Дай мне корюшка, мысли высокие,
говори и молчи надо мной,
заплутал в петербургской осоке я,
перепутал матрас надувной.

Вот насмертка моя – путеводная,
вот наживка моя – уголек,
кушай, корюшка, девочка родная,
улыбнулся и к сердцу привлек.

* * *

Как церковно-славянская книжица,
Заповедная роща теперь:
От мороза поехала ижица,
В буреломе ощерился ерь.

Борода не отросшая колется,
И ледник, к снегопаду успех,
Водит пальцем по свету и молится,
И читает следы нараспев.

* * *

Загружаю в себя: охрнительный
вирус:
СПИД весенний Париж,
дремлет в Лувре папирус
и во тьме обнимает мамирус.
Эти эндшпили крыш,
удлиненные тени натурщиц
подобны зевоте,
и гусары молчат в анекдоте.

Загружаю в себя кальвадос,
пахнет яблоком эта невинность,
а бессмертие – нет, не вопрос,
запотевшие windows.

В них быкующий Зевс-брадобрей,
луврианец наверно,
перекресток миров, и парижский
еврей,
не спеша, переходит на евро.

* * *

Не зарекайся от сурьмы,
от охры и холста.
Когда январварство зимы
и Рождество Христа.

Херсонских плавней – мятный снег
в изюминках следов:
синицы, сойки – вниз и вверх,
с ветвей и проводов!

Не зарекайся от Днепра,
когда подледный лов.
Где прорубь на язык – остра,
и вся – в чешуйках слов.

О, безбилетный ангел мой,
любитель постных шей,
останься, не спеши домой,
не собирай вещей.

Не расплетай на крыльях шерсть,
не допевай куплет,
в котором – Бог на свете есть,
а вот бессмертья – нет.

Что просто сгнули во тьме:
и Пушкин, и Басе...
Ведь это будет, как по мне –
не честно. Вот и все.

Прощальный привкус коньяка,
посуды – вечный бой.
И день, надтреснутый слегда,
с каемкой голубой.

* * *

Разбавленный, по-гречески, вином –
ночует дождь в бидоне жестяном,
Стравинский, свежескошенный –
смеется,
горят плоты, смердит резиной –
плоть,
но, как и прежде, верит в нас
Господь,
и любит нас, и в руки не дается.

Писать стихи о перемене поз,
когда у счастья – триппер и склероз:
и чье оно? И для чего? Не помнит.
Все холоднее осень, все больней:
от суффиксов до кончиков корней,
и тянет винной плесенью из комнат.

Октябрь, забронируй мне листву:
я сяду в бронепоезд на Москву
и вновь усну над пивом и сонетом.
Изнания скрипит гончарный круг,
и если ты мне, Парадоксов, – друг,
прости данайца и не плачь об этом.

ДНЕВНИК

Где окуни – во мгле, у речки над
порогом,
придумали меня и отпустили с
Богом –
на вольные слова.
И сетуя на свой, с утра –
не трезвый, почерк,
меня ведет дневник. Светает
между строчек,
и леска – обрыва...

Где сохнет от тоски и обжигает –
глина,
у вечности во рту – молитва и
малина,
раздвоенный язык.
Не жди меня домой, рыбацкий
человечек,
и подтвердит любой
сверчок-автоответчик, –
меня ведет дневник.

Он дремлет на ходу и больше
знать не хочет:
кого родная речь до смерти
защекочет
багровым плавником?
Где пахнет высота – землей и
дикой вишней,
и слава дневнику, что впереди –
Всевышний,
с таким же дневником.

* * *
Весенний Крым, вздыхает море
в темноте,
и на террасе не отыщется огня.
Мечтай о славе и не спрашивай
мате:
– Зачем ты пьешь через
соломинку меня?

В Москве, на рынке –
ассирийский виноград
да фестиваль во всю
рифмованную прыть.
А здесь – бессмертье на
цыпочках цикад
к воде спускается, боится
разбудить.

КРЫСА-ОТЧИЗНА

Пепельно и на душе – богодельно,
пишется – слитно, живет –
раздельно...
Парус белеет конкретно и чисто,
клоны вращаются в отчих гробах.
Снится красивая крыса – Отчизна
с краской томатной на тонких губах.

Ей предлагают себя на обеды
пушкинфобы и лермонтоведы...
Милые, я вас моллю:
с язвой боритесь и пляской Витта,
опыты ставьте, но не отравите –
лабораторную крысу мою!

Осип Эмильевич, как Вам живется?
Что ж Вам крысиная песня не
поется,
сколько стихов не готовь?

Жесть, или жизнь разгрызая
капризную,
подстережет мою крысу – Отчизну
страшная крыса – Любовь...

МОСТЫ

1
Лишенный глухоты и слепоты,
я шепотом выращивал мосты –
меж двух отчизн, которым я
не нужен.
Поэзия – ордынский мой ярлык,
мой колокол, мой вырванный язык;
на чьей земле я буду обнаружен?
В какое поколение меня
швырнет литературная возня?
Да будет разум светел и спокоен.
Я изучаю смысл родимых сфер:
пусть зрение мое – в один Гомер,
пускай мой слух – всего в один
Бетховен.

2
Слюною ласточки и чирканьем
стрижа
над головой содержится душа

и следует за мною неотступно.
И сон тягуч, колхиден. И на зло
Мне простыня – галерное весло:
тяну к себе, осваиваю тупо.
С чужих хлебов и Родина –
преступна;
над нею пешеходные мосты
врастают в землю с птичьей
высоты!
Душа моя, тебе не хватит духа:
темным-темно, и музыка – взащей,
но в этом положении вещей
есть ностальгия зрения и слуха!

* * *
Мы все – одни. И нам еще не скоро –
усталый снег полозьями елозить.
Колокола Успенского собора
облизывают губы на морозе.
Тишайший день, а нам еще не
светит

впрягать собак и мчаться до оврага.
Вселенские, детдомовские дети,
Мы – все одни. Мы все – одна вагата.
О, санки, нежно смазанные жиром
домашних птиц, украденных
в Сочельник!
Позволь прижаться льготным
пассажирам
к твоей спине, сопливый
соплежник!
Овраг – мне друг, но истина –
в валюте
свалывшейся, насиженной метели.
Мы одиноки потому, что в люди
другие звери выйти не успели.
Колокола, небесные подранки,
лакают облака. Еще не скоро –
на плечи брать зареванные санки
и приходиться к Успенскому собору.

СОН В КИПАРИСОВЫХ СТРУЯХ

Мы не уходим. Смерть мудрей
и старше
любви, Отчизны; и, порой, она
мне так напоминает возвращенец
к любви, Отчизне, к жизни, наконец.
Она рифмует и она ревнует,
а ты ее совсем не замечаешь:
в строю агав, в полномочном лае псов,
в гробах, которые несут навстречу
твои друзья. И воздух обожжен,
и слепотой зрачок вооружен.
Мы не уходим. Легче написать,
посплетничать за рюмкою цыкуты,
чем полюбить. Опустошенный
речью, –
ты ловишь кипарисовые струи,
как в первый раз, последние
минуты...

* * *
Сентябрячая и колокольча,
вертикально веной трубя,
что ж ты, сердце мое, сердце
волчьё,
принимает любовь на себя?
Что ж ты, сердце мое – самоволка,
отчего не боишься уже
сжатых намертво, словно
двухстволка,
вороненых коленей драже?..

В тишине земляничного мыла,
в полумраке расплюснутых дней,
эта женщина кажется милой –
на простреленной шкуре моей.

* * *
Мой милый друг! Такая ночь в
Крыму,
что я – не сторож сердцу своему.
Рай переполнен. Небеса провисли,
ночью в перевернутой арбе,
И если перед сном приходят мысли,
то как заснуть при мысли о тебе?

Такая ночь токайского разлива,
сквозь щели в потолке,
неторопливо
струится и густеет, августев.
Так нежно пахнут звездные
глубины
подмышками твоими голубыми;
Уже, наполовину опустев,
к речной воде, на корточках, с
откосов –
сползает сад – шершав и
абрикосов!
В консервной банке – плаваает
звезда.
О, женщина – сожженное огниво:
так тяжело, так страшно, так
счастливо!
И жить всегда – так мало, как
всегда.

* * *
Я приближен к твоим рукам!
Так, на утлых, пальмовых лодках,
островитяне к материкам
приплывают за метео (с водкой?).
Я приближен к твоим "прости"
увеличенной силой зренья.
И пускай на моей совести
о тебе ни стихотворенья:
Бубенец на одну версту,
Айловьюга на две ночевки!
Я в тебе, как язык во рту –
что ты хочешь сказать? О чем ты?

* * *
Час неровен, и бес – не в ребро,
а в Рембо!
Ум за опиум крымских акаций.
Удивление Ли или нежная Бо.
Кто на что в этой жизни
Гораций?

* * *
Я сам себя забыл о жизни
расспросить,
так забывают свет в прихожей
погасить
и двери перед сном закрыть на
шпингалет.
Я принял эту жизнь. Надежней
яда – нет.

Зима – все на мази, все схвачено,
браток:
на каждое мгновение придуман
свой шесток,
бензин подорожал, провинция
в грязи.
Шофер моей души, прошу,
притормози!
Застынь, застопорись и выпей
натошак
двойной одеколон студенческих
общаг.
Отчизны не видать – сплошные
закрома.
Шофер моей души, не дай сойти
с ума,
услышав костный хруст
промерзших деревьев.
И в лучшие стихи – мои слова
одень.
Как в ярые меха с боярского
плеча,
одень стихи мои в рычанье
тягача:
пусть лязгает полями и
согревает вас
печальное чудовище моих
бессонных глаз.
Все схвачено, браток. Врагов
понамело.
Чу! Кто-то постучался в
лобастое стекло:
вот так, вечерним летом,
стучится мотылек,
как будто женский пальчик в
простреленный висок!

Остановись, мгновенье, в краю
родных осин!
Шофер моей души, финита ля
бензин!
Какой сегодня век? – Четверг,
браток, четверг.
А обещали – жизнь. А говорили:
"Снег"...

* * *
Я на себя смотрю издаലെка
зрачком непревзойденного стрелка
и целю в скороспелый опыт свой
отточенную стрелкой часовой.
Зачем я разговариваю с Вами?
нездешними, грядущими губами
благодарю за то, что это – Вы?
Покойный век в прыщавый лоб
целую,
чтоб незаметно сплунуть.
Почему я
Вас презираю с силою любви?
В районе сердца, в области груди
мои слова прописаны. Приди,
приди, отчизна, в звании Поэта!
и, даже грязь, улыбкой освети!
Над миром тьма. Четвертый
месяц лета.
Бессильна смерть. И есть тому
причина –
я жизнью болен так неизлечимо,
что женщина любимая боится
хроническим бессмертьем
заразиться.

И остается: ангелу – кружить,
Вспорхнув с декоративного камина,
А мне – писать, а Вам – при этом
жить,
Мои стихи в камине ворошить –
банальное горит неповторимо.
И остается только морщить лбы,
дрянной портвейн потягивать из
фляги,
смотреть на звезды и считать
столбы,
завернутые в праздничные флаги.

* * *
На Страстной бульвар, зверь
печальный мой,
где никто от нас – носа не
воротит,
где зевает в ночь сытой тишиной
сброшенный намордник
подворотни.
Дверью прищемив музыку в кафе,
португеи сняв, потупев от фальши,
покурить выходят люди в галифе,
мы с тобой идем, зверь
печальный, дальше.
Где натянута дождь, словно поводок
кем? Не разобрать царственного
знака.

Как собака, я, до крови промок,
что ж, пойми меня, ведь и ты –
собака.
Сахарно хрустит косточка-ответ:
(пир прошел. Обьедки остаются
смердам.)
если темнота – отыщи в ней свет,
если пустота – заполняй
бессмертным?
Брат печальный мой, преданность
моя,
мокрый нос моей маленькой удачи,
ведь не для того создан Богом я,
чтобы эту жизнь называть
собачьей?

Оттого ее чувствуешь утром
и вмещаешь все, что тебе захочется,
оттого душа пахнет, как метро:
днем – людской толпой, ночью –
одиночеством.

На собраниях лито «Молот О.К.», как известно, проводятся практикумы по стихосложению, ведению дискуссии, литературные игры, занятия по общему структурному анализу, на которых «молотки» разбирают образцы поэтической классики, тексты современных поэтов, а также творчество друг друга.

Предлагаем вашему вниманию результат состоявшегося зимой 2007 года практикума по критическому разбору, которому подверглась специально для этого случая составленная подборка стихов Игоря Эибова, разделенная на два периода – 2000-2001гг. и лето-весна 2006г.

(Подборку стихов И. Эибова см. на стр. 12)

АЛЕНА ДЕНЯГА

Наброски к портрету Игоря Эибова

Но главное ведь – человек!
Когда же, когда, наконец, речь пойдет
О самом человеке?
Неужто никто не возвысит свой голос?
Ибо главное ведь – человек
В его человеческой сути...

Сен-Жон Перс
Из цикла «Ветры»

Под этим девизом и мое прочтение поэтической подборки Игоря Эибова.

У меня получился не разбор, а, скорее, impression – впечатление. Я, как импрессионисты, сперва «впечатлилась», а уже потом пустилась в изыскания, почему и как это произошло. Это будет непрофессиональный взгляд со стороны. (Строго не судить)

Первое ощущение возникло в связи с поэтическими образами. Они настолько живые, словно в них вдохнули кислород, и они стали способны дышать. К примеру, первое из цикла периода 2000-2001 гг.:

Восточный дождь.
А я на перепутье...

Ряд образов:
... для перелетных птиц
Корабль – тело...
... Лист – сознание наше...

Последний образ понимаешь двояко – лист бумаги, мысли на нем, и вслед за тем «вырастает» зеленое дерево жизни. Привлекает ритмика. Процесс, где ритм стихотворения отбивается в унисон ритму сердца. И если пластика слегка нарушается, на мой взгляд – это нарочитая условность.

Что касается его лирического героя, мне он очень симпатичен, довольно-таки понятен, доступен. Экстравертированность его альтер эго не только привлекает, но и вызывает в нас отклик.

Я шел со свечой во мраке...

В начале стихотворения у меня было ощущение обреченности. Я понимала – это поиск самого себя. Но почему с таким душевным отчаянием?! Есть ситуации, когда пишешь на грани крика, внутреннего срыва, своего рода безумия. Я вспомнила, как у Тарковского в его «Сталкере» срываются капли воды. Возьмите вторую строфу, то же чувство:

Мне было отмерено страха
Отмерено равнодушия
Отмерено одиночества
И даже немного любви.

И вот в конце пути со свечой в руке «огненный столн пролился спасительным мне маяком...» Свет в конце тоннеля... Божий свет, спасительный свет маяка, ниспосланный Богом. Мотив «бездомности» - от неприкаянности лирического героя. Например, «Вечер, мерцание звезд...»

Где-то таится любовь
Ростком беззащитным

Падаю в сны с головой
Волчком наивным.

И я задумалась, почему именно «волчком»? Неприрученный, диковатый волчонок, а в душе его – наивность. От этого образа веет незащищенностью и оголенностью внутреннего нерва. Несколько слов о месте для времени. Его стихотворение «Тень облака скользила по земле...» наполнено светом, воздухом, движением – во времени.

Его временные образы – действующие лица стихотворений:
... свечой спасаешь рассыпанное утро...
... день налипает клейкой паутиной...
... утомленно листаю вечер...

У многих поэтов Время играет философскую роль. Время и Судьба, отмеряющие тебя и твою жизнь в творчестве. Вот Колесо Времени у Игоря:

... капли секунд с циферблата...
... круговращенье безглых дней...
... секунда длится вечность, а вечность длится одну секунду...

Тема грусти обнажается во многих стихотворениях.

Взять его «Детство».

Меня трогает не образ нежности, воспроизведенный в стихотворении, а непосредственно присутствующий, ощущаемый фон нежности.

Волною плещется в сердце,
Стыдясь молитвы безмолвной.
Омыто рассветом море,
И берег, и жизнь по соседству.

Всегда естественен личный момент, интимная, доверительная нота, пульсирующая исповедь.

Вот душа устала от тревог...

Очень интересен у Игоря приём символического обобщения в «Халтурке по шпалерам» Это своего рода триптих.

На солнце блики боли...

В первой части нет уже обреченности.

... а ночью снится радость
и слезы пробужденья
умыть водой из крана,
и все, как есть, принять.

Некоторое смирение – да. Но уже без отчаяния. Для меня очень знакова близость Игоря к Богу и его интерпретация Божьей воли. Во второй части задета библейская тема заблудшей овцы.

И где-то я, потерянный, и мне
Так много надо или мало надо,
А город есть – история камней,
И ищет пастушок овцу из стада.

Это опять же поиск своего пути, поиск выхода. Есть такое понятие – свет поэзии. У Игоря стихи светлые. И это от Бога.

Об изобразительных средствах: они у Игоря то конкретные, очень зрелищные, яркие; то едва намечающиеся, как бы просвечивающие

... весна на языке растает солью...
... песчаные глаза прохладных бухт...
... маленький канатоходец пытается удержать равновесие на моем носу...
... одинокий ветер сутулится...
... свечка слезами сгорит...
... ненужный допит день...

Его часто посещает одиночество. У одиночества Игоря есть и времена года, и звуки, и тени, и запахи. Это персонаж, живущий самостоятельно, кочующий из стихотворения в стихотворение. Оно – гость в стихах обоих периодов – и в раннем, и в последнем:

*... осеннее одиночество, свежо,
круговая порука брешущих собак...*

*Здравствуй, поражение,
я влюблен в тебя,
потому что я остался одиноким.
Здесь, наконец, я услышал
музыку тишины...*

*Терпенья мост прокинут до Весны
и пройден в одиночестве до трети,
но пенем горним опрокинут сны
и душу вывозят из воззвевшей клетки.*

Напоследок сравню оба периода. Изменился ли лирический герой за этот, в принципе, короткий срок? И какие метаморфозы претерпело альтер эго? С литературной стороны я не увидела особых перемен. На мой взгляд, Игорь – сложившийся поэт с узнаваемым почерком. Но вот что касается внутреннего мира, мне показалось, что он стал увереннее и, что радует, оптимистичнее. Появилось ощущение надежды.

И грусть, и радость должны быть органичны. Грусть не может рождаться лишь в силу её привлекательности. И когда стихи у него плачут или смеются, это искренне. Творческие личности редко пренебрегают визитами Музы. Когда она приходит, не остается иного выбора, как лишь поддаться ее власти.

У Ричарда Баха в его предисловии к «Иллюзиям» есть фраза:

Если я могу повернуться спиной к идее, которая притаилась в темноте, если я могу избежать этого и не открыть ей дверь, я даже не потянусь к перу. Но иногда раздается взрыв, и кто-то или что-то хватается за горло и тихо говорит: «Не отпущу тебя, пока не выскажешь меня словами на бумаге».

Игорю – побольше таких вот взрывов.

ЮЛИЯ КЛЮЧНИКОВА

(Оценка стихотворений - по десятибалльной системе)

«Детство» (7+ баллов)

Привлекают первая и последняя строчки. Можно сказать, что после первого прочтения стихотворения – это единственное, что остается в памяти. «А нежность – она как пальцы» и «Где нежность дана по чину».

Немного странно, почему стихотворение называется «Детство», а не «Нежность». Видимо, слово «нежность», хоть и повторяется два раза, а слово «детство» – один, но все же детство – первично, а нежность является как бы неотъемлемой составляющей детства.

Любопытно сравнение нежности с пальцами.

«Осечка длиною в шесть месяцев...» (6 баллов)

Стихотворение насыщено эпитетами. Это – «осечка длиною в шесть месяцев», «солнечный егерь», «солнечный взмах», «несказуемая улыбка», «стыдливая просьба».

Интересен авторский прием – слова, отдельные буквы которых («лишние») слоги, не вписывающиеся в ритм стихотворения) взяты в скобки. Однако на слух это звучит, как прореха в ритме.

Что касается слова «отменивался», то его не существует в русском языке.

После прочтения первых двух строф остается позитивное «солнечное» чувство. А последняя строчка третьей строфы навеивает печаль.

«Вот душа, устала от тревог...» (10 баллов)

Хотелось бы выделить это стихотворение и назвать его самым лирическим, светлым и завершенным по своей сути, написанным в возвышенном стиле и не нуждающемся ни в критике, ни в разъяснении. Оно оставляет только позитивные, светлые чувства.

Единственное замечание к слову «женскость». Его не существует. Есть слово «женский»).

«Халтурка по ингалерам» (1, 2 и 3 части: 6 баллов, 7+ баллов, 9+ баллов, соответственно)

Текст представляет собой беспечность в широком смысле этого слова, как по смыслу, так по рифме и ритму. Является белым стихом.

«К ночному городу усталую спиной...» (5-6 баллов)

Стихотворение написано пятистопным ямбом. Исключение – первая строчка, где слово «город» режет слух.

Во второй строфе: «а листья снятся лету (как?) – высоко», и продолжение: «а лето снится птице – откровеньем» (думается, что сейчас тоже последует вопрос «как?», но мы читаем «чем?» - откровеньем).

С одной стороны, такая оригинальная конструкция дает возможность ощутить широту смысла, но на слух вносит маленькие погрешности в восприятие. Хотелось бы выделить необычное и довольно удачное сравнение: «крошится грядущее, как скол».

И вот, мы доходим до третьей строфы. Все кажется таким связанным и понятным, но вдруг... На последней строчке этой строфы теряется смысл и появляется какой-то «папушок, ищущий овцу из стада». С первого раза можно подумать, что стадом является не стадо овец, а стадо «каменной истории».

Но тут четвертая строфа расставляет все по своим местам – уход от жизни, той, которая есть на данный момент.

Ну, что сказать – потерянный человек ищет выход к свету, к чистоте, но не через дверь, а через окно.

Могу предположить, что окно является символом пути к чему-то божественному, отличному от мирского бытия, от материальности и жизненной копошти.

«Пыльный город, душные улицы...» (8 баллов)

Первые две строфы насыщены эпитетами. Например: «душные улицы», «пыльный город», «мутная корона».

Удачно составлены следующие конструкции: «вечер сутулится» и «листья гложнут».

В конце мы улавливаем некоторую ироническую нотку. Возникают вопросы: кто подразумевается под «голым королем»? Символом чего или кого он является?

«Тень облака скользила по земле...» (7 баллов)

Стихотворение написано пятистопным ямбом.

Лично у меня оно ассоциируется с гаммами в музыке.

Складывается впечатление, будто одно выходит из другого, но предложения не полностью завершены. Порой кажется, что они содержат законченную мысль, но эта мысль с каждой последующей строчкой прерывается, захлеб рождая новую мысль. Необычно, на мой взгляд, выражение «душа отображалась нежной ивой».

Хотелось бы выделить и отметить следующие словосочетания: «октябрь на ладони», «лист луны».

Стихотворение написано в ритме спокойствия и доносит до читателя некую нотку умиротворения и душевного тепла.

«Душа превращалась в цветок...» (7-8 баллов)

Немного непонятным показалось слово «кормилось». Хотелось бы услышать разъяснение – почему именно «кормилось»?

Душа, как видно, претерпевает метаморфозу, она превращается в цветок. Довольно удачная конструкция. И в целом, здесь не замечается каких-либо погрешностей в ритме и рифме.

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

Свет нерастраченный

Я в очередной раз задумалась над тем, что же это такое, хорошая поэзия и чем она отличается от плохой, точнее, от непоэзии (плохая поэзия – нонсенс). бывает так: вроде и владение словом есть, и весь инструментарий налицо, и современности не чуждо, но понимаешь – не то. Более или менее удачная версификация, иначе говоря – ремесленничество. А причина в общем-то проста – нет содержательности. Не текстовой – личностной. Поэзия – личное высказывание, а не только и не столько высказывание от первого лица. И интересна она тогда, когда человек, взявшийся за перо, содержателен. Попытаюсь объяснить, что подразумеваю под этим. Важны ли эрудиция, знания – да. Важен ли некий внутренний нравственный закон? Тоже – да. Способность остро чувствовать – конечно. О технике письма и владении словом уже говорилось. Все это необходимо, но недостаточно и не может определить понятия содержательности личности. Для меня личностная содержательность еще и в способности нелинейного восприятия жизни, в обобщающем взгляде на мир и самого себя, в возможности анализа, без которого всякая мысль будет просто бытовым замечанием «по поводу».

Непосредственно к теме сегодняшнего разговора. Поэзия Игоря Эибова – это поэзия одного состояния. Кажется, он берется за перо, лишь настроив себя на определенный меланхолично-поэтический лад. Отсюда повторяющиеся мотивы грусти, одиночества, боли. Причем, все эти переживания даны не как конкретика его, автора, (или лирического субъекта) жизни, а как достаточно абстрактные величины, лишь в неких заоблачных высотах соприкоснувшиеся с ним. То же самое можно сказать и о чувстве любви, которое переживается, скорее, как эстетическое любование собственной возможностью испытывать подобные чувства, чем как реальное, пережитое им. Кажется, он легко скользит по глади образов, выстроенных им, надо отметить, достаточно прихотливо и местами даже виртуозно. Он пишет о радости, но радости, как таковой нет, пишет о грусти, и она только названа, только обозначена. То есть чувства представляются нам, как некие красочные (чтобы не сказать красивые) картинки. То, что внутренний мир любого человека, в том числе и этого автора, богаче и серьезней этих красотостей, не подлежит сомнению. Только он, автор, почему-то не считает возможным открывать его нам. То ли потому, что не считает это предметом поэзии, то ли потому, что не привык к такого рода откровенности.

Событий нет – остаются лишь слова об этих несуществующих событиях и слова о несуществующих мыслях. Например: *«Подумать о свободе, / Уйти в пустынный вечер»* или: *«Душа превращалась в цветок»,* или *«Вот душа, устала от тревог, / а хотела прикоснуться к истине»,* или: *«Грусть, как карты без козырей»,* *«О, поражение, я влюблен в тебя, / Потому что я остался одиноким. / Здесь, наконец, я услышал / музыку тишины»* и т.д. Как-то слабо верится и в эту авторскую влюбленность и в эту навязную в зубах музыку тишины. Список этих обозначений можно продолжить. Можно предположить, что автора привлекает импрессионистическое виденье, основой которого можно считать непосредственное сиюминутное впечатление, и часто это ему удается. Вот, к примеру, явная авторская находка, где впечатление от пейзажа и настроение сплетены воедино и передаются свежей метафорой: *«О утро, – вишенка, / все вышито любовью, / белесая травы щетка / слегка поводит бровью»*. Но тогда к чему эта густо положенная романтическая атрибутика в большинстве стихотворений: «яд твоих поцелуев», «терпкий запах забвенья», «трепетные ладони», «безумное таинство дня» и т.д.? Кажется, моментами вкус изменяет автору и уводит в дебри жестокого городского романа, правда, без его гипертрофированных африканских страстей.

При всем том, встречаются у него и неожиданные прорывы в подлинное и искреннее, видимо, тогда, когда он на момент перестает любоваться своим поэтическим «я» и отдается

настоящему переживанию: *«Я встречаю на улицах / Странно знакомый / Неразумно предсказанный / Твой силуэт»* или: *«и когда все это закончится? /лед улыбки глотает боль. / – назовите меня по отчеству, – /глупо шутит голый король»,* или *«и где-то я, потерянный, и мне / так много надо или мало надо, / а город есть - история камней, / и ищет пастушок овцу из стада»,* или: *«К ночному городу усталую спиной / прижаться, при-слониться, при-касаться / и в час между разлукою и сном / вдохнуть себя и выдохом остаться»*.

В такие моменты у него появляются и необходимая лаконичность высказывания, и образная емкость. Безусловность, поэтическое виденье, иначе говоря, поэтический дар у автора присутствует, но в таких скованно-отстраненных формах, что остается пожалеть о том, что он не хочет или не может на сегодняшний день выйти за рамки символистской поэтики условности и иносказания, достаточно для нас (простите за тавтологию) уже условной. Как пишет Глеб Шульпяков: *«Выгораживая в поэзии частную территорию вне времени, ты (здесь – поэт) расписываешься в страхе перед настоящим, в своей неспособности найти для него язык.»* («Арион», №1 2004г.). Хочется пожалеть автору, по возможности, чаще открываться, не прятаться от самого себя в эти давно обжитые общие места и не бояться настоящего страдания и настоящей радости, ведь только тогда его стихи станут выражением живой жизни души, а не красивой театральной маской, за которой, иной раз, оказывается пустота. А свет-то окажется при этом «нерастраченным». А жаль.

ИРИНА ПАРОШИНА

Разбор стихов Игоря Эибова

Когда человек, рисуя картину, пытается добиться фотографического сходства или поэт пытается воссоздать реальность – живую и неподдельную – ясны критерии оценки его творчества: они – в соответствии или несоответствии образа и действительности. Но когда поэт углублен в себя, обращен в себя, довольно трудно сказать, насколько удачно и достоверно он описал свой внутренний мир: он всегда – загадка. Поэтому мне кажется, что при чтении Игоря скорее имеет место субъективная оценка художественной ценности его творений, нежели объективный подход.

Утрируя, можно сказать, что трудно догадаться, является ли шедевром произведение искусства в абстрактном жанре. Я далека от мысли относить произведение Игоря к абстракции, скорее, это нечто в духе импрессионизма – все скрыто за пеленой дождя.

Лето-осень 2006 (так как я читаю именно в этом порядке)

В данный момент я стараюсь избежать субъективной оценки, поэтому остановлюсь лишь на тех особенностях творчества, которые могу обоснованно прокомментировать.

1. В первых трех стихотворениях (и некоторых последующих) отмечаю живые рифмы. Рифмование неоднородных элементов речи (глагола и существительного в падеже, существительных в разных падежах, выполняющих различную функцию в предложении, слова и словосочетания и т.п.) – выглядит, как правило, богаче и непосредственной типа «дать – взять» - глагольной рифмы, «борьбы – судьбы» - сущ. в одной форме и т.п. Поэтому использование рифмы первой категории, я отношу к явному достоинству.

(«высоко – как скол», «потусторонние – в мутной короне») Ритм сохраняется классический, близкий Серебряному веку (не буду классифицировать, но полагаю, что впечатление и память меня не подводят) – первые 9 стихотворений минимум.

2. В тех же стихах присутствует естественная декоративность. Подчеркиваю – не намеренное приукрашивание, просто ощу-

щается, что человек способен подобрать изящный образ. («нимб молчанья над склоненным лбом», «небо рядом, сердце в первозданности», «а город есть – история камней», «прохожие потусторонние», «одинокость в мутной короне», «узурное вчера»)

Последнее словосочетание очень хорошо передает ощущение от всего этого цикла.

«Узурное вчера» – все узурное, и все вчерашнее, с изяществом и грустью.

3. В «осечке длиною шесть месяцев» меня заинтересовали скобки в середине слов. Как я понимаю, ими были выделены те слоги, что перебивали намеченный ритм стихотворения. Создалось ощущение, что автор хотел указать на то, что он прекрасно осознает, где нарушается четкость ритма, но жертвует последней ради чего-то другого – может, смысла, может – верного слова.

4. Возможно, та же мотивация была у «Халтурки по шпалерам» – 1, где рифмы отсутствуют, однако там ритм и стиль направляют стих в жанр, близкий русским, намеренно не рифмованным стихам Кольцова, если не ошибаюсь, Некрасова и некоторых других, менее известных поэтов.

5. Не нравится – «*тень облака, скользила по земле*». Оно красиво, но чересчур стандартно. Это вызывает то же ощущение, что от красивого заката, нарисованного на контрольной студентом художественной академии.

6. А вот в предыдущем «*Пыльный город, душные улицы...*» – довольно простые фразы («*фонарей невеселый свет*», «*пыльный город, душные улицы*») служат прекрасным обрамлением к образу одушевленного сутулящегося ветра, к человеку, идущему «навстречу себе». Первые две строфы играют описательную роль, создают фон. Потому «*И когда все это закончится?*» создает ощущение прорыва сквозь изображенный выше сумрак. Слово «одинокость» проходит через все 3 строфы: в явной форме – в первых двух, и, как отзвук, – в третьей. Про последние две строки могу немотивированно и просто сказать, что они мне нравятся – они делают стихотворение запоминающимся.

2000-2001 гг. (белый стих)

7. Это я приберегла напоследок, так как сюда очень сложно вторгаться с оценкой, как я уже говорила вначале. Как достоинство – отсутствие литературных штампов, что вообще характерно для обоих периодов.

Еще мне кажется, что сама форма – белый стих – продиктована не соображениями о специфичной художественности этого жанра, а тем, что автор намерен быть собой, писать, как на сердце ляжет, и не ограничивать свои образы жесткой формой с соблюдением рифм и ритмов.

8. Остальное: символизм, ассоциации. Очень ощущается интравертность.

Мне кажется, что автор предоставляет только лишь возможность субъективной оценки, и вот почему: критиковать стихи этого периода не приходится, так как нигде (к счастью) не найти литературных недочетов. Тут не просвечивает (как это часто бывает) полураскрытых тем, слов, подобранных ради соблюдения формы, и шаблонных оборотов. Но и хвалить можно, только находясь с автором на одной лирическо-интравертной волне. Причина – ведется тема, параллельная той, которая вызвала творческий порыв. Стих – не реалистический, называющий все своими словами и ставящий на свои места авторские мысли и чувства, а поток ассоциаций на эту тему. И стих этот будет понятен тому, кто продолжит для себя этот ряд образов. Он не сорвется в мысли, не орошит, не заставит понять, что вот, это самое ты и думал, знал, но не мог выразить. Он позволяет быть настроенным только в унисон (в этой связи вспоминается недоговоренность Ахматовой и образность символистов).

ИГОРЬ ЭИБОВ

(2000-2001)

* * *

Восточный дождь.
А я на перепутье.
Свечой спасаешь
Рассыпанное утро.

Очаг погас,
Зола еще дымится,
Прощает власть
И воздаст сторицей.

Проходит грусть.
Кто там стучит несмело?
Для перелетных птиц
Корабль – тело.

Дождь омывает
Лист – сознание наше,
В твоей руке
Подставленная чаша.

* * *

Подумать о свободе,
Уйти в пустынный вечер,
Там, где закат огромен,
А сумрак быстротечен.

На камне засидеться,
Понять свою бездомность,
С усталостью, как в детстве,
Лениво не бороться.

И ничего на свете
Не звать своим желаньем,
А только слушать ветер
И слиться с ожиданьем.

* * *

Грусть, как карты без козырей,
Утомленно листаю вечер.
На окно приседает зверь,
Голос ангела музыку чертит.

Одинокий листок цветка
Я целую сухими губами...
На колене прозрачную ткань
Ты в порыве, под фугу Баха,

Так сжимала немой ладонью,
Что душа нарушала молчанье...
Словом, чудо в живом флаконе
Было Истиной изначальной.

* * *

Яд твоих поцелуев...
Словно в зеркале сна
Отражается память,
Спешащая мимо.

Было лето,
Безумное таинство дна,
Одинокость
Скомкано непоправимо...

Ничего не осталось.
Усталая осень,
Отрешенная грусть,
Нерастрченный свет.

Я встречаю на улицах
Странно знакомый
Неразумно предсказанный
Твой силуэт.

* * *

Я шел со свечой во мраке,
Наверное, шел по лесу,

А, может быть, по безумию,
Но это было со мной.

Мне было отмерено страха,
Отмерено равнодушия,
Отмерено одиночества,
И даже немного любви.

Я шел со свечой во мраке,
Наверное, шел по берегу
И слушал, как бьются волны
И тешат душу мою.

И только пустынный ветер
Казался моим товарищем,
Меня обнимая за плечи
Холодной своей рукой.

Я шел со свечой во мраке,
И ноги не знали дороги,
Но огненный столп пролился
Спасительным мне маяком.

* * *

Вечер, мерцание звезд.
Легко и спокойно.
Лето продвинулось в рост,
Невинно и знойно.

Дети. Галдеж: шум и гам,
Полночи не спится,
Памяти трам-тарарам
Легко опалиться.

Где-то таится любовь
Ростком беззащитным,
Падаю в сны с головой
Волчком наивным.

* * *

Капли секунд с циферблата.
В зеркале спит незажженная свеча.
Уравновешенные, было, в сердце
чашечки добра и зла

Шевельнулись, и
добро пошло вверх, а зло – вниз,
как им и было положено.
Грустное стечение обстоятельств.
За окном магическая осень.
Моя душа блуждает среди
обернутых туманом деревьев,
В небе мне мерещится призрак
луны.

О, явись хоть ты...

С месяц назад,
в середине декабря, я встретил
девушку

с мягким взглядом
и прозрачной улыбкой.
Наверно, так улыбаются ангелы.
Она прошла,
И я подумал, что люди утратили
ремесло добра.

Ее всепобеждающую улыбку
сострадания
я аккуратно положил
в опавший разлапистый
листок платана
и спрятал в шкатулку
с другими драгоценностями...
Осеннее одиночество, свежо,
круговая порука брешущих собак.
Светает.

* * *

«Целый букет принесут
роз из оранжереи»
А.Ахматова

Зима. В сердце идет снег.
В оранжерее души расцвели
цветы грусти.

У них терпкий запах забвенья
и хороши они только для глаз.
Рядом танцует цветок ночного огня,
У него запах одиночества
и движения замедленны.
Осторожно, дальше клумба
с цветами времени,
На них нельзя смотреть, а можно
только обонять...

Вот те маленькие – цветы смирения
У них прозрачный запах осенней
тишины.

А этот, фиолетовый, цветок верности.
Чувствуете этот странный аромат
смущения?

У верности необычайный букет,
его трудно забыть.

Вот это – цветы сна,
мы их не видим, но у них
запах вечности и ожидания.

Нет, нет, - не проходите,
Это не свет – Цветок
Божественной Любви,
ясный аромат тепла и успокоения.
Да. За окном снег.

- А роз мы не держим,
они нынче не в моде.

* * *

Отказываться от отражений в
зеркалах,

День налипает клейкой паутиной.
Так жил ли я? Иль это только иней
Тревожных снов. Откуда этот страх?

Весна на языке растает солью,
Мне чудятся песчаные глаза
Прохладных бухт, размеренно
скользя,

Закатная стезя на них почти
бесспорна.

Небесные улыбки правят прах.
В метро безумном воздуха
мгновенье –

Твое воспоминанье, – как забвенья
На глади беспричинности добра.

* * *

Здравствуй, поражение,
я влюблен в тебя,
потому что я остался одиноким.
Здесь, наконец, я услышал
музыку тишины,
где секунда длится вечность,
а вечность длится одну секунду.

Весенний ветер танцует для меня,
Листья рассказывают мне ночью сны,
а ветер превращается в губы любимой
а когда идет дождь –
маленький канатоходец
пытается удержать равновесие на
моем носу.

Ему трудно,
потому что я смеюсь,
и тогда,
тогда мне остается
хлопнуть несколько раз в ладони
и превратиться
в звук одиночества,
в ноту тишины.

лето-осень 2006

ДЕТСТВО

А нежность – она, как пальцы,
куда от нее мне деваться,

как утренний сон из детства,
где я не хочу просыпаться.
Волною плещется в сердце,
стыдясь молитвы безмолвной.
омыто рассветом море
и берег, и жизнь по соседству.

И в радости беспричинной
рождается пробуждение,
сквозь слез неземное пение,
где нежность дана по чину.

* * *

Осечка длиною в шесть месяцев
пришлась за былые грехи.
ах, егерь мой солнечный, взвешенно
прищур(и)вался с правой руки.

душа уже мерила бабочкой
и кружевом ввысь влопыхах,
но ласково (хоть по праздникам)
отмен(и)вался солнечный взмах.

почти не скажу(е)мой улыбкой
стыдливая просьба парит
а утром не вспомню
– и было ли,
и свечка слезами сгорит.

* * *

Вот душа, устала от тревог,
а хотела прикоснуться к истине.
дни летят – скупые, неказистые,
где-то далеко родной порог.

И в круговращенье беглых дней
просятся в ладони сны о нежности,
преклонись щекой, поддайся
женскости,
дай коснуться призрачных огней.

Ты сама в цветенье голубом,
небо рядом, сердце в первозданности,
тишина крылом сияет ангельским,
нимб молчанья над склоненным
лбом.

Много ль надо? за руки держась
над обрывом в даль глядеть высокую,
прозревая область дня, где соткана
двух сердец божественная вязь.

ХАЛТУРКА ПО ШПАЛЕРАМ

1.
На солнце блики боли,
а в небе нет смятенья,
а завтра будет дождик,
и я вернусь домой.

Открою тихо окна
и вспомню о случайном,
о том, что не забыто,
а воздух стройно свеж.

О жизни и о лете,
о том, что на ладони
родник необычайный,
и если хочешь, пей.

А ночью снится радость,
и слезы пробужденья
умыть водой из крана,
и все, как есть, принять.

2.
К ночному городу усталою спиной
при-жаться, при-слониться,
при-касаться
и в час между разлукою и сном
вдохнуть себя и выдохом остаться.

А листья снятся лесу – высоко,
а лето снится птице – откровеньем,
и крошится грядущее, как скол,
перетекая в ласковое пенье.

И где-то я, потерянный, и мне
так много надо или мало надо,
а город есть – история камней,
и ищет пастушок овцу из стада.

При-шлец, а проще, странник,
ни к чему
задерж(и)ваться и вить для
сердца гнезда.
пора сложить дорожную суму
и выбраться в окно, пока не поздно.

3.
Пыльный город, душевные улицы,
я иду навстречу себе.
одинокий ветер сутулится,
листья гложут, слетая вслед.

И прохожие потусторонние,
фонарей невеселый свет,
одиночество в мутной короне
спит и видит меня во сне.

И когда все это закончится?
Лед улыбки глотает боль.
– Назовите меня по отчеству, –
глупо шутит голый король.

* * *

Тень облака скользила по земле,
и в небе плыли птицы отрешенно.
а ты была, где сновиденье, вслед,
и дождь рождался, ночью
освященный...

Октябрь на ладони, лист луны
опал на плечи осени пугливой,
и в созерцанье близкой тишины
душа отображалась нежной ивой.

И пальцы забывали про перо,
и пели о любви в осеннем свете,
и прозревало спящее добро,
и в будущей ночи шептали дети.

* * *

Душа превращалась в цветок,
цветок превращался в дыханье,
и таинство пуганых строк
кормилось с ладони охранной.

До радости долго страдать,
до нежности много томиться,
где пальцев ласкающих пять
и прядь упадет, как птица.

Открытое настезь лицо,
где время умножит помарки,
склоняется ниц пред венцом,
сияя доверием ярким

* * *

Живая ночь под маскою зимы.
Мороз, чужих страданий злые доли,
все тоньше нить с гириандами
неволи,

хоть в будущем еще маячит
скупо – мы.

Спит дочь доверчиво, спит
безмятежно,
так только дети спят –
раскинувшись легко,
бессонницею – прав, молитвою
утешь нас,
вечерний час – где звезды
высоко.

А утром все принять – рисунок
на стене,
где дом дымит трубой и где на
окнах шторы,
узорное вчера уходит в мир
тений,
и то, что в сердце спит – заменит
все опоры.

* * *

Усталости сверчок, декабрь,
ненужный допит день.
пыл голосов, громоздкость
декораций.
есть многое на свете, друг
Гораций,
что на чужой плетень
наводит тень.

Янтарная луна
подкрасит цвет вина,
вины в ней нет,
вина отпущена на волю
совсем одна – конем скакать по
полю
в каком-то пьяном сне.

О, утро, - вишенка,
всё вышито любовью,
белесая трава – щека
слегка поводит бровью.
Рука.
Стоп-кран.
Усталости сверчок.

* * *

А боль проходит, остается чуть
щемящее от боли отраженье.
льнет листьев запоздалое
круженье,
и спит росток еще нездешних
чувств.

Зима неспешная покроем ночью
дни,
где небо манит затвердевшей
коркой,
а боль слагает в памяти огни,
они не греют, только манят
кратко.

Терпенья мост прокинут до
Весны
и пройден в одиночестве до трети,
но пеньем горным опрокинут сны
и душу вывозлят из
возвзвешенной клетки.

В феврале лито «Молот О.К.» получило приглашение к участию в поэтическом молодежном фестивале «Поэтэх-2009» (См. №2 настоящего издания, в котором информация о проведении фестиваля доводится до сведения всех читателей). Приглашение было с благодарностью принято.

С удовольствием отмечаем, что стихотворные тексты всех семи молотковцев, прошедших по возрастному цензу (до 30 лет включительно) и принявших участие в этом поэтическом конкурсе, вошли в итоговый сборник фестиваля «Поэтэх-2009», подборку из которого мы и предлагаем.

В публикации сохранены авторские орфография и пунктуация.

Андрей АВАЛОВ

Тбилиси (Грузия)

* * *

Означает чистое слово
Сладкую белую иллюзию
От покрова снега на крышах
В душу вселяется зеленая стрекоза

Лампы как желтые арбузы
Спеют в искрящихся мутных лужах
Щенята в коробке у мусорной кучи
Белыми глазами останавливают
прохожих

На плечах снежинки
В небе облака нарисовали розу
А солнце за полушарием
Греет теплую мутную свору
Невидимых звезд

Георгий АРУТЮНОВ

Тбилиси (Грузия)

* * *

О, облака! Я обращаюсь к вам,
Ведомый ветром караван печали!
Куда же вы мою мечту умчали,
Какой земле я боль свою отдам?!

Внемли мне, караван! Молю
негромко;
Я не душой, а в слабости поник...
Но вновь увижу Венценосный лик –
И не боюсь уже, а верю только...

SVE DA VOLIM...

Мне сигарета да водка с хлебом
От чаши братства, до дна испитой,
Время забыто, под белым небом
Цинковой тени рассвет убитый...
А ночью кровью под небесами,
Эритроцитом вспоров аорту,
Солнце с чёрными волосами
Прячет свою бесстыдную морду...

...Разрушен дом на солнечной
поляне,
И лес в округе стал гробами...

Геннадий ГРЕЗНЕВ (лауреат)

Московский лит. институт им. Горького

* * *

Мне радостно дорожной дрожью
биться,
Хромые вёрсты на дух выносить.
Блеснув слезою на щеке Столицы,
Я уношусь – за пазуху Руси...

Там, за окном – апрель во всём
размахе,
Костлявый лес за поездом бежит.
Так, чередуя взгорья и овраги,
Летит земля,
И пролетает жизнь...

Берёзовое племя.

Русь.

Есенин.

Наверное, любой поэт осенний,
Везя с собой неясную печаль,
В такт колесу – рад сердцем
подстучать.

Весна – грязна,
Но русской дури нашей
Сея дремучесть – больно дорога:
Там жаждет зёрен хлябь
дремотных пашен,
И мрут во рвах последние снега.

Любуюсь на природные отрепья
И так скажу, дорожной грусти вняв:
Чем этих вот колёс тревожный
дребезг,
Нет звука колыбельней для меня.

АЗ ЕСЬМ..!

Я,

Руку к звёздам
Зимним, ранним
Воздев,
Как к яблокам в саду,
Каким-то
Беглым Емельяном
Далече по снегу бреду.
А то ль с морозу,
То ль со страху
Сгорбачен малoverный люд...
Рвануть бы на груди рубаху,
Крест засветил!
... Да ветер лют.
Озяб...

Да в снег тому ль свалиться,
Кого готова греть заря!

Встречай же,
Матушка-Столица,
Своего пропавшего царя!!!

Роман ГУРСКИЙ (дипломант)

Тверской гос. университет

* * *

Напомнил голубь однопалый,
прихрамывающий в траве,
что жизнь моя не засыпала,
пока я спал на рукаве,
жил от вокзала до вокзала.
И на скамейку осыпала
чешуйки пыльные с берёзы.
И приходила и спасала,
когда писал я как попало
и до смешного был серьёзен.

Елена КАУЛИНА

Тбилиси (Грузия)

* * *

Привычный темп, и мысли
снова те же...
И та же участь. Голова всё реже

Пытается сломаться, словно
стержень...

От холода в квартире стало пусто.
Ещё вчера, я помню, было чувство...
Всё было так, но разве так бывает?
Вернётся то, что сон перебивает...
Рука издаст, бледнеюще, миноры...
Мы позабыли, что закрыты шторы...
Я чувствую, когда ты здесь, ты
близко...

Ты не уйдёшь, ведь небо
слишком низко...
Оно пугает нас... Я знаю, ты
дрожишь...
Когда с тобой не я, а просто тишь...

Екатерина ШИШКИНА

Поморский гос. университет (Архангельск)

ВЕКТОРЫ ВЕТРА

Векторы ветра. По окнам скользко
Капли дождя – пунктиры.
Мы словно точки, а наша плоскость –
Метры пустой квартиры.

Солнца окружность вписана чётко
В угол оконной рамы.
Куб телевизора. Метеосводка.
Призма телепрограммы.

Линия жизни теряет границы.
Вакуум станет нормой.
Точкам теперь не соединиться –
Вот одиночества форма.

Хочешь объёма без математик?
Яркость без акварели?
Сладкое счастье в 3D-формате?
Рядом, не параллельно?

Векторы ветра несут разряды.
Завтра продлится дольше.
Жизнь так похожа на шоу слайдов –
PowerPoint. Не больше.

Дмитрий ЛОСКУТОВ

Тбилиси (Грузия)

* * *

Она жила в простой винницкой
деревушке.

Ее отец – казак, потомок
Запорожской сечи –
(Но видела его редко) сын
вольных степей
И порогов. А пироги...
Да с яблоками... Да вечер

Тот выдался, как ни странно, теплый.
Но радио притягивало левитаново.
Кто ушел, а многие не верили.
И замерли
«22-го, в 4, вероломно», и заново

Каждый читал на лицах. Кто прятал
Дойных коров, а кто дочерей
В ямах. Ее спрятали. Да не надолго.
Не верь. Война скоро кончится.
Не верь.

Она не верила. Эшелон.
Какой-то «бург»,
А может «штадл». Да какая разница,
Если дочка хозяйская помнить
должна.
Да адрес остался в памяти.
Дразнятся

Подруги-соседки, мол, 5 тысяч евро
Могла получить, а мозгов не хватило

Справку-то выбить, ведь муж
наперво-перво
Вытащил из ада. Поторопилась.

Домой захотелось. А где он?
Киев, восток, пустота. И Тбилиси.
Дом, «милый дом», смирилась.
Внуки и правнуки: лозами вились

Дальше сыны, дочери – внуки,
У внучки своих двою.
Вырастат, вспомнят.
60 лет назад сажали в вагоны,
везли по прямой, мы
Прячем глаза.

Стыдно? Нет! Дискомфорт!

Но награда нашла героя.
Мама, письмо дойдет –
Я согласен. Вот только
Дней 900 обожди. Жди...
Верь. Война скоро кончится.
Верь.

Оганес МАРТИРОСЯН (дипломант)
Саратовский гос. тех. университет

* * *

Весна. Двух мнений быть не может.
По Политеху колеся,
зашли в столовую на за-
пах щей, котлет, бряцанье ложек,
студенческие голоса.

Ты пьешь кефир, я ем не глядя
немного жестковатый плов.
И звать тебя, конечно, Надя,
и вся ты – нежность и тепло.

– Пойдем гулять, – зовешь. Уныло
сизу, а, в общем, не вопрос.
Во дворик Меда горделиво
пузатый Ленин сунул нос.
А ты ведешь, бледна, соплива,
на железнодорожный мост.

Зовет Горпарк. Застыв у входа,
читаем, по уши в грязи,
такого-то основан года,
и губернатор был грузин.

Среди фигурок и скамеек
блуждаем. Лодки на цепи
тоскуют. День текущий мелок.
Слова, рожденные, слепы.

Стоим, из парка выйдя. Почва
выглядывает робко.

...молча
забегали твои глаза,
как след «дежурке» – той, что ночью
по рельсам тронулась, скользая.

Давид МЕЗУРНИШВИЛИ

Тбилиси (Грузия)

ВЧЕРА ДУЛ ВЕТЕР

А знаешь, вчера дул сильный ветер,
Пытался отнять двери у петель,
Но он не вошел сюда, где из
сопла вьется огонь
И покои удивительно светел.
Ты хочешь любви, ждешь
подтверждений
Внезапных догадок и подозрений,
Но посмотри – листьев нет на
деревьях,
И оттого напрягается зренья.

Я не помню обложку, но видел
 страницу,
 В которой написано, что нет
 времени злиться
 На тех, кто вокруг, и на положение,
 Что возникает после сражения,
 Как результат амбициозности
 пустяковых значений.
 Масса шторы явно отяжелела,
 вздувалась,
 Но возвращалась на место,
 И, возможно, на кухне не
 поднимется тесто –
 Может, дрожжи не те, но слово
 дорого песне.
 Конденсат на стекле и скрип
 перекрытий
 Убеждает в ненужности
 желания бриться.
 Кусок древесины и звонкий
 блеск стали
 Наводят на мысль делать что-то
 своими руками.
 Так молись за сближение с
 истинным светом,
 Не выходя из кабинета.
 Вон лишние вещи, портреты
 кумиров,
 Дай Бог нам принять эту
 необходимость.
 Блестит заголовков начальное
 буквой,
 В пути нет сомнений, если он узок,
 Деревянный покой удивительно
 светел,
 Вчера дул ветер...

Алексей РЯСКИН (дипломант)
 Воронежский гос. университет

СТОГ СЕНА
 (Из цикла «Сельский пейзаж»)

Сток сена стоит среди ковылей,
 Среди одуванчиков и клевера.
 И рой пчёл гудит, как тысячи флейт,
 И движется в сторону севера.

Слева жуёт сено чёрная коза,
 Машет головой, стучит копытом.
 И если посмотреть ей прямо в глаза,
 Поймёшь: она помнит то,
 Что другими давно забыто.

Слева стоит одинокое дерево,
 Листьями шелестя по поводу
 и без повода,
 Глубину земли от скуки
 корнями меряет
 И слушает песню стрекозы и овода.

Всюду, куда ни глянешь,
 трава, трава, трава
 Скрывает ото всех
 Одной ей известное веселье,
 Будто она нереально большая
 кровать,
 Раскрашенная кем-то зелёной
 акварелью.

Всё пропитано жизнью до тошноты,
 Даже горизонт будто кем-то стёрт.
 И только стог сена уже остыл,
 И только стог сена мёртв.

Жизнь кипит вокруг него, пылает,
 Пытаясь сломать его молчания
 стену.
 Но стог упрямо молчит, потому
 что знает,
 Что всё живое
 Рано или поздно становится сеном.

Нина ТЮРИНА
 Воронежский гос. тех. университет

ПРО ТВОРЧЕСТВО
 строчки царапают, лезут настойчиво,
 липнут к мыслишкам,
 минуточки путают.
 угол мне! угол! потом – неразборчиво,
 плюс отвечать невпопад, да и путано.
 даже не знаю – кому это надобно? –
 томики – книжечки – буквы
 – листики –
 дочерям гламура? как черти
 от ладана,
 жаль не открестишься...

дутье истины
 ставлю в пример прописным.
 сон? да ну его!
 снова вечер. и щипцами
 кальяными
 цепко душонку – цеди да
 раскуривай...
 разве наплачешься вдоволь
 гальянами
 или габанами? мертвые лыбятся...
 кроликов гипнотизирует медиа...
 а у меня – самопальная ибица!
 в сердце! и – черноволосою
 ведьмою –
 (что вопреки инквизиции, знаете –
 там-то ведь тоже: стандарты,
 критерии...)
 вновь ввечеру выхожу как бы
 на люди,
 как бы без пользы использую
 время я...
 а в головёнке толкаются строчечки,
 юзают юркие каждую паузу...
 я их – иголочкой!
 в рамку!
 на полочку!
 это – по Фрейду.
 а может – по Фаулзу.

Анна ЦИЛОСАНИ
 Тбилиси (Грузия)

* * *
 Куда ты смотришь...
 Потерянность,
 толпа, одиночество.
 Мне часто хочется смотреть на небо.
 Уже не помню твое имя и
 отчество.
 Неужели все тропинки нужны
 лишь для снега?!
 Не видно звезд...
 Темно, как в засаде.
 Война заснула на диване, тише...
 Смотри, похоже, ты не враг.
 Время вздохнуло.
 Сердце пишет.

* * *
 Пространство, ветер, голоса.
 Рассыпалось дыхание.
 Тихо стоишь и смотришь вдаль,
 Как слепой чужак в окно,
 И видишь, видишь войну, но без
 сраженья!
 И ночь обрушилась, как листья,
 Тебя здесь пуля не найдет.
 Повсюду небо,
 Ты тихо держишь кислород.
 Пространство расстелилось следом.
 Иди за ветром,
 Ищи дом,

До прямых линий –
 семнадцать метров
 И – знакомый холм!
 Пилигрим во времени тонет в
 чернилах.
 Темные окна чужих мест
 Открою.
 Посмотрю на время и на
 спящий, грустный мир чудес.

Дарья УЛАНОВА (дипломант)
 Дальневосточный гос. университет
 (Владивосток)

* * *
 Кто родился у моря, скучает без
 моря всегда.
 И на вкус отдает ему солью
 любая вода.
 В грозовых облаках он умеет
 увидеть волну.
 Только я не морской человек, я
 его не пойму.
 Вот и ты не поймешь (мы так
 странно сейчас далеки!),
 Что у гордого моря могу я
 скучать без реки.
 Ты твердишь о бескрайних
 просторах и синих волнах.
 Только я не морская: мечтаю о
 двух берегах.

Отпусти меня, друг мой
 приморский. Я еду домой,
 Где Амур через зелень несется
 стальной стрелой.
 Где листва кружевами подшила
 искристый рукав,
 И летит остановленной радугой
 мост в облаках.

Кто у моря рожден, не поймет
 назначения мостов.
 Отпусти меня, друг, – еду в
 царство своих берегов.
 Оставайся у волн. Нынче в
 чайках они, как в снегу.
 Мне милее горящий костер на
 другом берегу.

Михаил ФРИДМАН (лауреат)
 Московская область, г. Мытищи

* * *
 Тихая грусть сводит с ума,
 Душу щемит чувство сиротства.
 Всякий талант – форма уродства,
 Если душа глухонема.

Мало ли кто судит меня!
 Тусклая грусть светит, не грея.
 Где же вы, где, гипербореи?!
 Между людей гений – сорняк!

Умный молчит, глупый ворчит –
 Я расчленён на междометья.
 Кто каждый раз ставит на третье,
 Тот за собой жизнь волочит.

Я не могу слушать о том,
 Как человек выковал счастье.
 Жизнь в восемь нот бьётся в
 запястье,
 В горле печаль скомкана в ком.

Дмитрий ЧЕРНЫШОВ
 Воронежская гос. лесотехническая
 академия

* * *
 получением экзистенциального
 опыта,
 пребывая в пограничном состоянии,
 занимается местная гопота,
 не сведущая в зодчестве и ваиянии,

но в живописи зная
 определенные толки,
 льют ведра слов о
 целесообразности
 агрографии старой восьмёрки
 и светки-дыры безотказности.

Софья ЧЕШОКОВА (лауреат)
 Сибирский гос. университет путей
 сообщения (г.Новосибирск)

* * *
 Из кофейни смотрю на часовню
 и «Ростгосстрах»,
 заходи пообедать и тоже взгляни
 на них.
 Так легко каждый день забывать
 про извечный страх,
 предсказуемой рифмой венчая
 ненужный стих,

так легко тратить деньги, едва
 получив з/п,
 поддаваясь рекламе, любить
 процедуры spa.
 Так легко каждый день,
 просыпаясь, послушно петь,
 а ночами не думать о том, кем
 могла бы стать.
 Так легко заказать чашку кофе
 на два глотка,
 наблюдая из окон весеннюю
 круговерть,
 и глядеть на часовню, надеясь,
 что далека
 та, что так ассонансно
 рифмуется с «постареть».

Лали ЭЛИЗАРШВИЛИ
 Тбилиси (Грузия)

* * *
 Этот свет, что льётся сквозь
 деревья,
 Эти песни нецветущих трав...
 Этот сумрак, ароматы тленья,
 Листьев, мыслей, солнца
 терпкий прах.

Мы входили в этот лес бессветья,
 Словно в храм, спасаясь от себя,
 Стрелками-ходулями столетья
 Отмеряли капли бытия.

И в чашобе суток новолунья,
 Натякаясь на добро и зло,
 Шарили руками до безумья,
 Смешивая смерть и серебро.

НЕ БАЙРОН!

(33-минутная опера в письмах)

Посвящается почте Gmail

От кого: Susanna Armenian **11 декабря 2007 г. 13:00**
Кому: Dima Loskutov

Привет! Вот посылаю тебе наброски к опере «Не Байрон!». Автор – не Пушкин.

Действие 1.*Выходят Первый и Второй.*

ПЕРВЫЙ: (Второму) Ты кто? Байрон, что ли?

ВТОРОЙ: (удивленно) Нет, я не Байрон. Я другой...

ПЕРВЫЙ: А-а-а, ты не Байрон!..

Выходит Третий.

ПЕРВЫЙ: (Третьему) Ты – Байрон?

ТРЕТИЙ: Нет, я не Байрон! Я другой!

ПЕРВЫЙ: Как! И ты – не Байрон?

ТРЕТИЙ: Ну да, я – не Байрон. Что тут такого?

ВТОРОЙ: (Третьему) Ах ты самозванец!

ТРЕТИЙ: От самозванца слышу!

ВТОРОЙ: Какое нахальство! Ведь это я – не Байрон! Я – другой!

ТРЕТИЙ: Нет-нет, тут какое-то недоразумение! Это я – не Байрон! Я – другой!

ПЕРВЫЙ: (указывая на Второго) Он первый сказал, что он не Байрон!

ТРЕТИЙ: Это не аргумент! Чем вы можете доказать, что именно он – не Байрон?

ВТОРОЙ: Хотя бы тем, что я – другой!

ТРЕТИЙ: А кто же тогда он, по-вашему? (указывает на Первого)

ВТОРОЙ: Он? (с некоторой заминкой) Не знаю. А что он сам может сказать по этому поводу? (смотрит на Первого)

ТРЕТИЙ: (обращается к Первому) Признайся! Ты случайно не Байрон?

ПЕРВЫЙ: (робея) Нет, я другой... Еще неведомый... Этот... Избранник... Моя фамилия – Нео. Не бейте, дяденьки!

ВТОРОЙ: (великодушно) Не буду...

ТРЕТИЙ: И я не буду. Я же не Байрон какой-то в самом деле!

ВТОРОЙ: (возмущается) Нет, это я не Байрон!

ТРЕТИЙ: (таким же тоном) Нет, – я Байрон!

ВТОРОЙ: Нет, я не Байрон!

ТРЕТИЙ: Нет, я!

ВТОРОЙ: Нет, я!

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ: (в унисон повторяют) Нет, я не Байрон! Нет, я не Байрон!..

Уходят, обнявшись и хором скандируя эту фразу.

ПЕРВЫЙ: (проводив их взглядом, говорит шепотом) Нет! Я – не Байрон! Я – другой!

*Уходит.***От кого:** Dima Loskutov **11 декабря 2007 г. 13:04**
Кому: Susanna Armenian**Действие 2.***Второй и Третий случайно услышали последние слова Первого. Возвращаются и подбегают к нему с криками. Их преследует пионерский отряд.*

ВТОРОЙ: Гони его, ату его, ребята!!!

ПИОНЕРЫ: Ба-айрон! Ба-айрон!

ПЕРВЫЙ: (хочет убежать, но останавливается) Не гоните, меня, дяденьки!

ВТОРОЙ: Че-то я не догоняю! (пытается догнать, но не догоняет)

ТРЕТИЙ: Гони, его, гони! А то еще, не дай Бог, совершит чего.

ПИОНЕРЫ: Стра-анник! стра-анник!

ТРЕТИЙ: Вы только гляньте – он сейчас государственные тайны начнет толпе рассказывать!!!

ВТОРОЙ: Че-то я серьезно не догоняю!

ТРЕТИЙ: Надо догнать! (раздается выстрел, Первый падает с очень грустным видом)

*Пионеры уходят, напевая веселую песенку.**Второй и Третий переглядываются.***От кого:** Susanna Armenian **11 декабря 2007 г. 13:10**
Кому: Dima Loskutov**Действие 3.***Второй и Третий продолжают переглядываться. Толпа безмолвствует.***От кого:** Dima Loskutov **11 декабря 2007 г. 13:18**
Кому: Susanna Armenian**Действие 4.***Второй идет вслед за пионерами.**За кулисами раздается выстрел.**Третий бежит за кулисы. Второй возвращается.*

ВТОРОЙ: Хоть кого-то догнал! (уходит довольный).

*За кулисами раздается еще несколько выстрелов.***От кого:** Susanna Armenian **11 декабря 2007 г. 13:25**
Кому: Dima Loskutov**Действие 5.***Раненые пионеры из последних сил выползают на сцену, роняют головы на руки и поют предсмертную арию лежа.**Антракт. В антракте – буфет и стриптиз в буфете.***От кого:** Dima Loskutov **11 декабря 2007 г. 13:33**
Кому: Susanna Armenian**Поправка к Действию 5 :**

ПИОНЕРЫ: Эту пьесу не задушишь, не убьешь!!!

З а н а в е сПериодическое издание "Ассоциации литераторов - АБГ" и ЛИТО "МОЛОТ О.К." (Тбилиси, Грузия) <http://abg.ucoz.org>

Выпуск осуществлен на средства членов редакционной коллегии.

Редакционная**коллегия:**Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.

Мнения публикуемых авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.